

Анатолий Алексин

Мой брат играет на кларнете

(сборник рассказов)

ФТМ

Х.И.В.

Анатолий Алексин

**Мой брат играет на кларнете
(сборник рассказов)**

«ФТМ»

Алексин А. Г.

Мой брат играет на кларнете (сборник рассказов) /
А. Г. Алексин — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-3025-4

Юные герои Анатолия Алексина впервые сталкиваются со «взрослыми», нередко драматическими проблемами. Как сделать правильный выбор? Как научиться понимать людей и самого себя? Как войти в мир зрелым, сильным и достойным человеком? Проза Анатолия Алексина и в наше время притягивает искренностью чувств и открытостью образов своих героев.

ISBN 978-5-4467-3025-4

© Алексин А. Г.

© ФТМ

Содержание

Мой брат играет на кларнете	5
Очень страшная история	25
От автора	25
Глава I,	27
Глава II,	34
Глава III,	38
Глава IV,	41
Глава V,	45
Глава VI,	50
Глава VII,	54
Глава VIII,	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Анатолий Алексин

Мой брат играет на кларнете (сборник рассказов)

Мой брат играет на кларнете

21 декабря

Почти все девчонки в нашем классе ведут дневники. И записывают в них всякую ерунду. Например: «Вася попросил у меня сегодня тетрадку по геометрии. Тайно попросил и очень тихо, чтоб никто не услышал. Зачем? Почему именно у меня? Почему так таинственно и с большим волнением? Уже полночь. Но я размышляю об этом и не засну до утра».

Васька просто-напросто решил сдать домашнее задание по геометрии.

Именно у нее, потому что у меня он уже сдувал. «Тихо, таинственно!..» А кто же делает это громко? «С волнением!» Еще бы Ваське не волноваться!

Девчонки обожают придавать самым обыкновенным поступкам мальчишек какой-то особый смысл.

Я тоже девчонка, но я понимаю, что дневники должны вести только выдающиеся люди. Нет, я ничего такого о себе не думаю. Но у меня есть брат, он учится на втором курсе Консерватории. Он будет великим музыкантом. Это точно. Я в этом не сомневаюсь! И вот по моему дневнику люди узнают, каким он был в детстве.

Мой брат играет на кларнете. Почему не на скрипке? Не на рояле? Так хотел дедушка... Он умер, когда мне было всего два года. А брат Лева старше на целых пять лет, и дедушка начал учить его музыке.

Долгие годы я слышала о том, что наш дедушка «играл в фойе». Я не знала, что такое фойе, но слово это казалось мне очень красивым. «Фойе», – четко выговаривала я. А когда первый раз сходила в кино и увидела музыкантов, которые играют в фойе, мне стало жаль моего бедного дедушку: зрители переговаривались, жевали бутерброды, шуршали газетами, а старые люди на сцене играли вальс. Они прижимали к подбородку свои скрипочки и закрывали глаза: может быть, от удовольствия, а может быть, для того, чтоб не видеть, как зрители жуют бутерброды.

Мой брат не будет играть в фойе! Он будет выступать в роскошных концертных залах. Сейчас он готовится к конкурсу музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Мне жаль, что кларнет называют духовым инструментом. Когда я думаю о духовых инструментах, то сразу почему-то вспоминаю похороны и медный оркестр, который идет за гробом. Кларнет можно было бы назвать как-то иначе... Но что поделаешь!

Учусь я средне, но это не имеет никакого значения. Я решила посвятить свою жизнь не себе, а брату. Так ведь часто бывало с сестрами великих людей. Они даже не выходили замуж. И я не выйду. Ни за что! Никогда!..

Это точно. Лева уже знает об этом. Сперва он возражал, но потом согласился.

Мы договорились, что сам Лева, в отличие от меня, будет иметь право на личную жизнь, но лишь тогда, когда добьется больших музыкальных успехов. Лева весь, без остатка будет принадлежать искусству. У него не будет оставаться времени ни на какие обыкновенные человеческие дела и заботы. Все это буду исполнять за него я. Фактически я отречусь от собствен-

ной жизни во имя брата! И поэтому мои тройки не имеют никакого значения. К сожалению, мама и папа этого не понимают.

– Ты неплохо устроилась, – как-то сказала мама. – Значит, Лева будет учиться, с утра до вечера играть на кларнете, совершенствоваться, готовиться к конкурсам, а ты будешь всего-навсего посвящать ему свою жизнь. Какие-то у тебя иждивенческие настроения!

– А сестра Чехова, значит, тоже была иждивенкой? – спросила я в ответ.

– Ну уж... хватила!

Мама изумленно развела руки в стороны. Когда нечего сказать, легче всего разводить руками. В общем-то, я сама виновата: не надо слишком уж откровенничать со своими родителями – они обязательно используют эту откровенность против тебя.

Но зато когда-нибудь о Леве напишут книгу, и в нее войдут отрывки из моего дневника. Недавно я читала такую книгу о великом поэте. «Сестра поэта» – было написано под одной фотографией. А под моей напишут: «Сестра кларнетиста». Или лучше так: «Сестра музыканта». Это будет мне скромной наградой.

Вот зачем я стала вести дневник.

«Что-то я не слышал про такую профессию – сестра кларнетиста», сказал мне однажды папа. Он тоже, увы, не всегда меня понимает.

К несчастью, не все еще знают, какой это важный инструмент – кларнет.

Именно он начинает Пятую симфонию Чайковского! Разве многим это известно? «Незаметный герой оркестра» – так говорит о кларнете Лева. Он даже рад, что кларнет «незаметный». Он и сам бы, наверно, хотел быть незаметным. Такой у него характер. Но я этого не допущу!

Летом всему нашему дому слышны звуки кларнета. Но многие не знали, из какого именно окна летят эти звуки. Я объяснила, что это играет мой брат. Даже в холод я распахиваю окна, чтобы жильцы не отвыкали от Левиного кларнета.

Всем соседям я уже рассказала, что Лева готовится к конкурсу. Пусть меня считают нескромной: я готова ради брата на любые страдания! В общем, я уже давно решила вести дневник. Но начать его я хотела не просто так, а с какого-нибудь знаменательного дня. И вот этот день настал!

Сегодня перед первым звонком меня схватил в раздевалке десятиклассник Роберт, по прозвищу «Роберт-организатор». Такая у него манера: он не останавливает, не берет за руку того, кто ему нужен, а именно хватает. За что попало: за руку, за плечо, даже за шею. Представляете? Меня он схватил за рукав.

– Организуешь своего брата? На вечер старшеклассников!

Роберт обычно лишь первую фразу произносит нормально, по-человечески, а на дальнейшие разъяснения у него уже не хватает времени. И он начинает говорить быстро, пропуская глаголы, будто диктует телеграмму.

– Новогодний вечер! Первое отделение – стихи, классическая музыка. Второе – джаз и танцы. Классической музыки у нас нет. Вся надежда на брата. На твоего.

Я сразу сообразила, что никогда в жизни не будет больше такого прекрасного случая прославиться на всю школу. Не могу же я всем без исключения сообщить, что мой брат учится в Консерватории, а тут все сразу узнают! Однако я решила немного помучить Роберта, чтобы он не думал, что заполучить моего брата так просто.

– Видишь ли, – начала я, – мой брат готовится к конкурсу музыкантов-исполнителей...

Слова «на духовых инструментах» я опустила.

– Вечер старшеклассников: только десятые! – сказал Роберт. – Ты в седьмом. Но вот два билета! Тебе и брату. Организуешь?

Что будет с моими подругами, когда они узнают, что я приглашена на вечер старшеклассников? Который может им только присниться! В самом счастливом сне!..

И все-таки я сказала:

– Надо узнать: у брата новогодняя ночь может быть уже занята. Наверно, он приглашен куда-нибудь на концерт, а потом на бал музыкантов-исполнителей...

– Наш вечер двадцать шестого, – сказал Роберт. – Организуешь?

Новогодний вечер за пять дней до Нового года! Хотя что же тут удивляться, если Роберт умудрился недавно организовать воскресник в четверг?

– Ладно, – сказала я. – Это нелегко, но я постараюсь. – И взяла два билета.

22 декабря

Я хочу еще кое-что записать о вчерашнем дне. Когда я пришла домой, Лева играл на кларнете. Он всегда играет: и утром и вечером. Представляете? Как у него хватает терпения! Просто понять не могу. Хотя отчасти все же могу... Лева занимается любимым делом, а когда занимаешься таким делом, сразу откуда-то появляются терпение и воля. Вот если бы я, к примеру, должна была готовить уроки только по литературе, я бы могла их готовить круглые сутки и отвечала бы всегда на пятерки.

Потому что я занималась бы любимым делом! Но геометрия, физика, химия...

Откуда возьмешь столько терпения? И зачем заставлять людей заниматься тем, что им никогда в жизни не пригодится, что им неприятно и даже противно?! Понять не могу. Когда кто-нибудь входит в комнату, Лева не прекращает играть: он словно бы ничего не замечает. А мы ходим на цыпочках.

Но вчера я не выдержала и сказала:

– Прости меня, Лева... Но у меня важное дело. Тебя просят выступить у нас в школе на новогоднем вечере.

Лева несколько секунд помолчал. Когда его отрывают от музыки, он как бы приходит в себя или, точнее сказать, возвращается к нам из какого-то другого мира. Так мне кажется...

– Тебя просят выступить у нас на новогоднем вечере, – повторила я, потому что первую мою фразу Лева мог не расслышать: он был в другом мире.

– Я готов, – сказал Лева. – В принципе я готов... Но слушать сольное выступление на новогоднем вечере?.. Кларнет выигрышной звучит в оркестре. Может быть, пригласить весь наш студенческий оркестр? Это будет эффектной.

Еще чего не хватало! Чтоб скрипки вылезли на первый план, а мой брат сидел где-то в углу? И чтоб кланяться выходил дирижер, а мой брат превратился в «незаметного героя оркестра»? Нет, я хочу, чтобы он был заметным!

– Ваш оркестр просто не поместится на нашей сцене, – сказала я. – И никто его вовсе не приглашал. Просили тебя. Персонально! У нас в школе обожают кларнет. Вот два билета. – Я положила билеты на стол и добавила: – Значит, пойдём.

«Уж сколько лет ты пытаешься подарить ему свой характер, а он не принимает подарка. Смирись, дитя мое, смирись!» – сказал как-то папа.

И все же Лева иногда подчиняется мне, хоть и старше на целых пять лет. Он говорит, что у меня «острый практический ум». Лева не объясняет, хорошо это или плохо. Он вообще не любит много говорить, разъяснять: он мыслит музыкальными образами. Так мыслят все настоящие музыканты.

– Я готов... – сказал Лева. – В принципе я готов. Но мой аккомпанемент?

«Мой аккомпанемент» – так Лева называет студентку Консерватории Лилю, которая всегда сопровождает его сольные выступления.

Лиля не только аккомпанирует Лева – она влюблена в него. Это всем абсолютно ясно. И поэтому она не откажется выступить у нас на вечере. Я не мешаю Лиле смотреть на Леву преданными глазами и даже иногда оставляю их вдвоем: потому что Лиля толстая, в очках и

с веснушками всюду – на носу, на руках и даже на шее. Я испытываю доверие к некрасивым женщинам: они не могут отвлечь моего брата от музыки, и это так благородно с их стороны!

И мама, я заметила, тоже предпочитает некрасивых подруг. По крайней мере, когда она предупреждает папу: «Сегодня вечером ко мне в гости придет очаровательная женщина», – папа почти всегда усмехается и преспокойно уходит вечером к соседу играть в шахматы. Он не верит, что мама приведет к нам в дом очаровательную женщину.

Я готовлюсь к новогоднему вечеру. И представляю себе, как все будет!

Мой брат сыграет одну вещь, только одну!

– Что ты сыграешь, Лева?

– Надо что-нибудь легкое... «Полет шмеля», например.

– Нет, не такое известное. На «Шмеле» у них далеко не улетишь. Надо их поразить!

Последние слова я произнесла совсем тихо, как бы про себя. Лева таких фраз не любит.

– Может быть, из «Франчески да Римини»?

– Это пойдет!

После «Франчески» мой брат скроется за кулисы. Ему будут бешено аплодировать. Он снова выйдет, будто лишь для того, чтоб раскланяться.

Но тут я поднимусь и скажу: «Сыграй, Лева, еще. Я прошу тебя».

И назову такое произведение, какого никто из старшеклассников никогда в жизни не слышал. Лева послушается меня и сыграет. А потом он спустится в зал и сядет возле меня. А потом будут танцы...

– Ты будешь танцевать только со мной, – сказала я брату.

– В принципе я готов... Но ты знаешь, я плохо танцую. Старомодно...

– Тем более. Чтобы не осрамиться, танцуй только со мной. Поклянись!

– Ладно, клянусь.

Конечно, мне будет труднее, чем Наташе Ростовой на ее первом балу!

Ведь она была среди взрослых, а они нормальные люди и ведут себя по-человечески. Разве их можно сравнить с нашими десятиклассниками? Эти все время ехидничают, посмеиваются. И уверены, что они гораздо взрослее взрослых. По мнению моей мамы, это как раз и говорит о том, что они еще абсолютные дети, потому что, как утверждает мама, ни один взрослый человек никогда не захочет казаться старше своего возраста. Но сами-то десятиклассники не догадываются о том, что они абсолютные дети. И никто им этого не объяснит: просто никто не решится. Поэтому они и дальше будут изображать из себя утомленных «героев нашего времени», которых ничем на свете не удивишь. Это точно.

А я, может быть, удивлю. По крайней мере они мне позавидуют!

27 декабря

Да, у Наташи Ростовой первый бал был гораздо счастливей, чем у меня. Гораздо счастливей!..

Я не знаю, как полководцы планируют свои военные операции. Пытаются ли они заранее представить себе действия противника? Может быть, и пытаются... Но от этого у них, конечно, возникает много разных трудностей и сомнений.

Когда же мой «острый практический ум» составляет какой-нибудь план, то вначале, пока я придумываю, все идет очень легко и просто, потому что участники будущих событий действуют так, как мне хочется. И в этом, я думаю, главный недостаток моих планов. Потому что потом, в жизни, участники событий начинают поступать по-другому, как им самим хочется. И тогда все летит кувырком.

Вчера так и случилось. Об этом просто стыдно писать. Но я все-таки напишу, раз уж взялась за дневник. А то у будущих исследователей жизни моего брата возникнут разные неяс-

ности. И они начнут разыскивать свидетелей, расспрашивать их. А эти свидетели... Нет, уж лучше пусть все узнают от меня. Так будет спокойнее и вернее!

Неприятности начались с самого начала.

Я была уверена, что увижу возле школы толпу своих подруг-шестиклассниц и семиклассниц, которые будут рваться на вечер.

Тогда Лева должен был взять меня под руку, толпа расступиться, а мы гордо пройти сквозь нее к дверям школы. Там должны были стоять два старшеклассника с красными повязками на рукавах. Оба они в один голос должны были воскликнуть:

«Это вы из Консерватории? К нам на концерт? Мы вас ждем! Разденьтесь, пожалуйста, за кулисами».

Чтоб они так воскликнули, я привела Леву буквально в последнюю минуту, перед самым началом вечера.

Но никакой толпы возле школы не оказалось. Мои подружки всегда мечтали хоть немного потолкаться среди старшеклассников. Но вчера они не пришли.

Так ведь всегда бывает, всегда... Вот, например, раньше, еще до того как я окончательно решила не выходить замуж, мне иногда хотелось, чтобы какой-нибудь мальчишка увидел меня во дворе в моем новом платье. Я гладила это платье, врала маме, что я иду к подруге на день рождения. А мальчик во двор не выходил! То ли заболел, то ли родители его за что-то наказывали, то ли тетя из другого города в гости приезжала, но только он, который целыми вечерами слонялся по двору, как раз в этот вечер сидел дома. А я должна была торчать неизвестно где часа два или три: ведь не могла же я вернуться со дня рождения через десять минут!

Да, к сожалению, всегда так бывает... И вчера тоже так получилось.

Но самое ужасное произошло позже, прямо на вечере. Хотя лучше уж расскажу по порядку, чтоб не сбиваться.

Десятиклассник с красной повязкой на рукаве бросился нам навстречу.

– Вы из ресторана «Звездное небо»? – спросил он Леву.

– Он из Московской консерватории, – ответила я. – Это мой брат! Он будет выступать у вас на концерте.

Я указала на черный старинный футляр, который достался Леве от дедушки. Этот футляр с кларнетом Лева прижимал к себе и словно обнимал обеими руками. Десятиклассник внимательно, с подозрением оглядел моего брата. Мне казалось, он скажет сейчас: «Откройте-ка свой футляр. Посмотрим, что у вас там внутри!» Но он просто махнул рукой.

– Проходите.

И мы вошли в вестибюль. Никто не предложил нам раздеться за кулисами, и мы долго стояли в очереди возле гардероба.

Десятиклассницы, повзрослевшие от нарядных платьев, с выходными туфлями под мышкой, говорили о том, что танцы будут до двенадцати ночи, что наш школьный джаз подготовил какую-то новую программу и что, может быть, даже приедет артист, который поет в ресторане «Звездное небо».

Я презирала этих напудренных и надушенных девиц, которые не обращали на нас с Левой никакого внимания. Хоть бы старинный дедушкин футляр их заинтересовал! Наконец одна все-таки повернулась ко мне. Я благодарно улыбнулась ей, поздоровалась.

– А ты как сюда попала? – спросила она.

Я презирала этих девиц, но робела перед ними. И за эту свою робость еще сильнее их презирала.

– Я с братом, – тихо сказала я.

О кларнете и Консерватории я почему-то не решила упомянуть.

Десятиклассница прищурилась и окинула Леву таким взглядом, будто размышляла: стоит ли выходить за него замуж? Эти десятиклассницы часто оглядывают так незнакомых

мужчин. А Лева еще крепче прижал к груди свой старинный футляр, словно десятиклассница собиралась отнять его.

Мой брат не произвел на нее впечатления – это было сразу заметно. И она отвернулась. Еще бы! Ведь он не пел в ресторане «Звездное небо».

– Я тебя уговорила в самый последний момент, – стала я шепотом объяснять Лева. – Они просто не знают, что ты будешь выступать... А потом, наш Роберт-организатор хочет, наверно, чтобы ты был для них сюрпризом.

Лева усмехнулся: кажется, он не верил, что может стать сюрпризом для наших десятиклассниц.

– В принципе они совершенно правы, – сказал Лева. – На балу и должны быть танцы... Это вполне естественно.

Я не обратила внимания на Левины слова, потому что он часто говорит просто так, чтобы не обидеть молчанием, а сам думает о чем-то совсем другом, о чем-то своем... «Весь в себе!» – говорит о нем мама. Может быть, он мыслит в эти минуты музыкальными образами. Так было, наверно, и в этот раз.

Почему он вдруг стал заступаться за танцы?

Но самое ужасное было еще впереди!

Зал у нас в школе на пятом этаже. Мы с Левой медленно поднимались по лестнице. А навстречу нам, сверху, на высоких каблуках сбегали старшеклассницы – как-то бочком, бочком, как всегда сбегают по лестнице.

Перед вечерами и балами в школе всегда начинается девчачья беготня сверху вниз: кого-то ждут, кого-то высматривают... Десятиклассницы чуть не сшибали нас с ног.

Лева задумался. «Углубляется в музыкальные образы!» – решила я. И была очень рада: мне хотелось, чтоб в этот вечер он играл так замечательно, как никогда!

Один раз Лева поднял на меня глаза.

– Не отвлекайся! Не отвлекайся! – сказала я. И вдруг он спрашивает:

– Самые пожилые учителя, как правило, работают в старших классах?

Лева иногда приходят в голову весьма неожиданные мысли.

– Да, – отвечаю я. – А что?

– А старшеклассники учатся чаще всего на самом верхнем этаже?

– У нас на пятом. И что из этого?

– Странно как-то... Непродуманно получается: старые люди по десять раз в день должны подниматься наверх без лифта.

Нашел о чем думать перед ответственным выступлением! Представляете?

Да, иногда моему Лева приходят в голову самые неожиданные мысли. Вот, помню, однажды мы ехали с ним в троллейбусе. Троллейбус набит битком. Останавливается возле университета, студенты рвутся к дверям, опаздывают, как обычно. Один парень в очках спрашивает у Лёвы:

– Выходите или нет?

А тот поворачивается, улыбается и говорит:

– Вы здесь учитесь? Интересно, на каком факультете?

Водитель уже двери-гармошки распахнул, все лезут к выходу, а он: «На каком факультете?»

Представляете?

Лева, конечно, со странностями. Но, может быть, так и надо? Все великие люди были немножечко не в себе.

На пятом этаже нас встретил Роберт-организатор. Вниз он, конечно, не мог спуститься! Это было бы для него унижительно. Роберт даже не поздоровался, не познакомился с Левой:

он не любит терять время по пустякам. И сразу заговорил в своей обычной манере, опуская глаголы:

– Инструмент с вами? Аккомпаниаторша тут, давно...

– Проверяет рояль! – вмешался какой-то старшекласник. – Три клавиши западают. Всего три! Сколько там еще остается?! А она так вздыхает, словно нет ни одной целой. Это же школьный рояль: на нем все классы, от первого до десятого, что-нибудь одним пальцем выстукивают. Надо понимать: специфика местных условий...

– Теперь все прекрасно, – сказал Роберт. – Первое отделение в порядке. За кулисы!

Лева побрел за кулисы.

– Ты – в зал! – скомандовал Роберт.

Я пошла в зал.

Свободных мест уже почти не было. Только в предпоследнем ряду.

Я села, а на стул слева от меня должен был сесть Лева после своего триумфа на сцене.

Я положила на это место платок.

– Разрешите высморкаться!

Сзади загоготали. Я обернулась и увидела старшекласника Рудика – известного на всю школу балбеса, который паясничал даже на похоронах.

Такие есть в каждой школе. И всегда они садятся в последний ряд. Рудик развалился и упер ноги в спинку моего стула. Теперь я поняла, почему мое место оказалось свободным: никто не хотел сидеть впереди Рудика. Мне в этот вечер чертовски везло!

И все-таки самое ужасное было еще впереди. Роберт-организатор объявил со сцены, что первое отделение будет очень серьезным.

– Вот хорошо, посмеемся! – воскликнул Рудик. Сперва какой-то участник драматического кружка стал читать Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу...

– Самостоятельной жизни! – крикнул Рудик.

Его приятели загоготали.

Потом какая-то участница хореографического кружка исполняла «Индийский танец».

– Не счесть алмазов в каменных пещерах... Опера «Садко», песнь индийского гостя! – крикнул Рудик.

Все стали оборачиваться, шикать на Рудика. Это его вполне устраивало: он был в центре внимания.

Своим «острым практическим умом» я сразу сообразила, что, если во время Левиного выступления Рудик будет молчать, это произведет на всех огромное впечатление. Все решат, что даже Рудика сразил Левин кларнет.

Но как это сделать?

Я тут же изменила план действий. Теперь я уже не должна была показывать, что Лева – мой брат. Я должна была это скрывать! Хотя бы на время...

Я знала, что в первом отделении будет всего три номера. Когда танец подходил к концу, я обернулась к Рудику и сказала:

– Сейчас будет выступать очень талантливый музыкант. Будущий лауреат! Из Московской консерватории...

– Чихали мы на таких! – ответил мне Рудик.

– Чихать опасно! – сказала я. – Музыкант этот страшно нервный. Недавно во время его выступления один в зале чихнул, так он прекратил играть... И потребовал, чтобы чихающий вышел из зала.

– Вот хорошо, мне как раз надо выйти... Я еле сижу!

– Он не просто потребует выйти. Он еще осрамит на весь зал! Очень нервный. Потому что талантливый. Не советую связываться.

– Будет пикировать классику? – спросил Рудик.

– Конечно!

– «Спи, моя радость, усни!..» – пожелал Рудик самому себе.

И прямо-таки разлегся, по-прежнему уперев ноги в спинку моего стула.

Я поползла вместе со стулом вперед... Но я промолчала: пусть делает вид, что уснул. Нашел-таки выход из положения!

А Лева уже вышел на сцену... Все ждали выкриков Рудика, хохота из последнего ряда, но было тихо. И как-то торжественно. Я впервые смотрела на брата из зала.

У него был совсем не артистический вид. Нет, пожалуй, артистическим было только лицо: совершенно отсутствующее. «Весь в себе!», как говорит мама. Он еще не начал играть, но уже мыслил музыкальными образами.

А все остальное было совсем не для сцены. Фигура сутулая, словно о чем-то задумавшаяся. Костюм был отглаженный (я сама его гладила), а казался мятым и не Левиным, а чужим.

«Я сама буду ходить с Левой к портным! – твердо решила я. – И буду заказывать ему самые модные вещи! Он будет проклинать меня, отбиваться, будет считать, что я отрываю его от искусства. Но я буду приносить себя в жертву: пусть плохо думает обо мне, пусть считает меня тряпичницей! Когда-нибудь он поймет... Да, он поймет, что я брала на себя все самое будничное, самое неблагодарное, как всегда делали сестры великих людей».

Но пока еще с Левой к портным ходила мама, а у нее был отсталый вкус.

И наши пижоны из первых рядов, наверно, смотрели на Леву с усмешкой.

Потом вышла Лиля с нотами. Аккомпаниаторши, я заметила, чаще всего бывают пожилыми и некрасивыми. Певцы и музыканты на их фоне выглядят особенно эффектно. Но тут как раз Лиля спасла положение. Она вела себя как на самом настоящем концерте: вышла уверенным шагом, с независимо поднятой головой, строго поклонилась. И наши пижоны захлопали. Потом она потверже уселась на стул, разложила свои ноты. Обернулась к Лева и буквально впиалась в него глазами, как делают все аккомпаниаторы, ожидая сигнала... Это тоже было как на самом настоящем концерте. И очень подействовало на старшекласников.

Лиля ударила по клавишам, и Лева заиграл «Рассказ Франчески». Я не слышала, как он играл: я волновалась. И смотрела на своих соседей: некоторые закрыли глаза – так слушают хорошую музыку. Потом захлопали...

Хлопали все, но не очень долго. Может быть, Лева лучше было уйти за кулисы: тогда бы его нужно было вызывать обратно на сцену и хлопали бы сильнее. А так все сразу поняли, что он будет играть еще, и не очень старались.

Я думаю, что музыкант должен казаться со сцены загадочным и недоступным. Так даже и зрителям интересней. Ну разве приятно представить себе, что он такой же точно человек, как ты сам? Что можно запросто подойти и хлопнуть его по плечу...

А Лева вдруг улыбнулся так, словно был у себя дома, махнул рукой и заиграл свой любимый «Полет шмеля».

Ему снова аплодировали, но уже меньше, чем первый раз. Неожиданно на сцену, деловито глядя на свои ручные часы, выбежал Роберт-организатор.

Он что-то зашептал моему брату на ухо. Лева вновь по-домашнему улыбнулся и объявил следующий номер...

Не успел он кончить, как Роберт-организатор опять показался из-за кулис. Он по-прежнему деловито смотрел на часы и одновременно пожимал плечами. Подошел к Лева и опять зашептал ему что-то на ухо. А мой брат добродушно, безвольно закивал головой: дескать, согласен, пожалуйста...

Представляете?

Мне стало страшно: неужели он будет снова играть? По плану, который я составила дома, я должна была встать и попросить: «Сыграй, Лева, еще... Я прошу тебя». Сейчас мне хотелось вскочить и крикнуть: «Я прошу тебя: перестань играть!»

В будущем я, конечно, буду ходить с братом на все его концерты. Я научу его быть гордым! Пусть зрители сначала попросят, поваляются у него в ногах... А потом уж он что-нибудь сыграет на «бис».

Разве артист может быть таким сговорчивым? Он должен быть загадочным и недоступным!

Наконец Лева кончил.

– С добрым утром! – сзади воскликнул Рудик.

И сделал вид, что проснулся. Но я уже не обращала на него никакого внимания.

– Поприветствуем наших гостей! – крикнул Роберт-организатор. – Поздравим их с Новым годом!

До Нового года было еще целых пять дней, но все завопили со своих мест: «Поздравляем!»

Тут и Лиля впервые поднялась со своего стула. Неторопливо собрала ноты, сдержанно поклонилась и указала рукой на Леву: дескать, главная заслуга принадлежит ему! Она вела себя как на настоящем концерте.

А Лева вновь по-домашнему улыбнулся, будто в зале сидели его родственники. Представляете? Это было ужасно!

Но самое страшное все-таки было еще впереди. Совсем близко, буквально рядом...

Об этом я напишу завтра. Потому что мама уже два раза говорила, что мне пора спать. Она понять не может, что я пишу. Заглядывать ей неудобно. Другие родители не стесняются: заглядывают к своим детям в тетрадки и даже вырывают из рук. Но моя мама себе этого не позволяет: она очень интеллигентна. Лева похож на нее.

Сначала мама думала, что я пишу домашнее сочинение. И была даже рада.

Но я сказала, что это не сочинение, а что именно, не сказала.

– Если б ты с таким увлечением делала уроки! – воскликнула мама. – Совсем не думаешь о своем будущем.

Но я как раз думаю о будущем! Поэтому я и веду дневник.

28 декабря

Перед вторым отделением вечера из зала вытащили все стулья. Свалили их в коридоре. И сразу коридор стал узким, а зал раза в два больше, чем был. На сцене поставили искусственные елочки с игрушками.

– Ах, какая прелесть! – визжали девчонки. – Как необычно! Оригинально! Синтетика!..

Десятиклассницы почему-то любят синтетику. Я все же не верю, что искусственные елки нравились им больше, чем настоящие – те, которые пахнут лесом и снегом, им просто хотелось визжать и выражать восторги.

Они были в приподнятом настроении.

Девчонки меня вообще раздражали. Все они выглядели роскошно! В раздевалке это было не так заметно, потому что они еще были не при полном параде, а некоторые в пальто. Ну, а иметь модное пальто гораздо труднее, чем модное платье, поэтому женщины выглядят зимой не так нарядно, как летом. Я на это давно обратила внимание. Когда девчонки сидели в первом отделении на концерте, платья были не так видны. А теперь уже все сияли своими глубокими вырезами.

Я очень сильно от всех отличалась. У меня было глухое девчачье платье. Воротник доходил до самого подбородка. Я тоже хотела однажды сшить себе платье с вырезом, но портниха

сказала, что мне это будет невыгодно, что мне еще нечего обнажать. Прямо так и сказала: «Тебе еще нечего обнажать. Твои ключицы выпирают, как какие-нибудь металлоконструкции...» Неплохо, а? Я давно обратила внимание: частные портнихи очень развязны. Потому что все перед ними заискивают и смотрят им в рот, как каким-нибудь мудрецам.

В общем, девчонки выглядели очень роскошно. И я сильно проигрывала на их фоне. Это уж точно. Но зато рядом со мной стоял мой брат Лева, будущий великий мастер кларнета! Я взяла его под руку. И девчонки поглядывали на меня с завистью. Не многим из них приходилось прогуливаться под руку со студентом Консерватории!

– Что он тебе шептал на ухо? – спросила я Леву.

– Должен был приехать певец...

– Из ресторана?

– Кажется, да. И он просил меня поиграть...

– Он бы еще пригласил для этого какого-нибудь народного артиста... Тянуть время, пока не приедет певец из «Звездного неба»!

– В принципе мне было нетрудно их выручить.

Это любимое Левине занятие – кого-нибудь выручать. Некоторые его приятели уже успели жениться. Представляете? Поторопились! К Левае они приходят перед экзаменами и когда ссорятся с женами. И он всех выручает. Боюсь, как бы на это не ушли все его силы. А певец из ресторана так, значит, и не появился. Роберт со сцены объявил, пропуская глаголы:

– Небольшая накладка: певец из ресторана «Звездное небо» – увы! Но звезда – здесь, с нами! Наша любимица Алина в сопровождении школьного джаз-оркестра! Эстрадные песни! Мальчишки завопили: «Ура!» Старшеклассницы чуть-чуть похлопали.

Совсем чуть-чуть: они не любят Алину, они завидуют ей.

Я не завидовала Алине: у нас в школе она, как говорится, вне конкурса. А тем, кто вне конкурса, глупо завидовать. К тому же мне нравилось, что девчонки со своими глубокими вырезами сразу присмирели, повесили носы. Они знали, что мальчишки будут восторгаться Алиной, а соперничать с ней бесполезно.

Так иногда женщины выходят грустные из кино после картины, где главную роль играет красавица. Я обратила внимание: они даже некоторое время не смотрят на своих спутников. Наверно, боятся, что те будут сравнивать. Нет, я никогда не выйду замуж. Это уж точно.

Алина на наших вечерах всегда поет джазовые песенки на разных языках.

Когда она вышла на сцену, я захлопала ей изо всех сил за то, что она посадила на место всех наших девчонок.

Девочки явно грустили и со злостью поглядывали на Алину. А некоторые храбрились и неестественно хохотали. Я заметила, что женщины часто смеются тогда, когда им хочется плакать.

Вообще-то я тоже не люблю красивых девчонок. Они все время помнят о том, что они красивые, и с ними поэтому очень трудно иметь дело. Но вчера я была благодарна Алине еще и за то, что не приехал певец из ресторана «Звездное небо», которого все ждали больше, чем Леву. Хотя Алина не имела к этому ровным счетом никакого отношения. Но она выступала вместо певца, и я ей за это хлопала. Вернее сказать, и за это тоже. А еще я хотела, чтобы Лева понравился школьный вечер, на который я его притащила. И поэтому я зашептала ему на ухо:

– Алина прекрасно знает... разные языки!

Алина яркая блондинка, с прямыми волосами, которые спадают на лицо, закрывая один глаз.

– У нее волосы абсолютно свои, – шепнула я Левае.

– В каком смысле?

Лева не понимает элементарных вещей, потому что он «не от мира сего», как говорит мама.

– В том смысле, что она их не красит, – объяснила я. – Это ее естественный цвет...

Алина пела вполголоса, и все в зале, особенно мальчишки, просто боялись дышать. Алина дышала всюду. Так, по крайней мере, казалось, потому что она дышала в микрофон.

Я немного шепелявлю и с детства как-то враждебно отношусь к шипящим буквам. Я уверена, что это самые неблагозвучные буквы во всем алфавите.

Недаром ведь в художественных произведениях положительные герои никогда не «шипят», а «шипят» отрицательные.

Но когда Алина томно поет свои песенки, мне начинает казаться, что шипящие не так уж плохи. Слова, которые она шепотом произносит в микрофон, кажется, состоят от начала до конца почти из одних шипящих, а получается довольно-таки красиво и задушевно.

Мальчишки аплодировали как безумные и даже свистели, что является у них высшим выражением радости и восторга. Леве после его «Франчески» никто не свистел. Это было обидно. Но я заметила, что, аплодируя Алине, многие тайком поглядывали на Леву. Еще бы! Всем интересно было, как оценит ее пение студент Консерватории. Профессионал! Ну и типы же эти старшекласники: ни за что в открытую не признают, что студент Консерватории для них авторитет. Для них вообще не существует авторитетов! А исподтишка будут подглядывать, как он реагирует. Ну и типы!..

Лева заметил это и, засунув свой черный футляр под мышку, стал хлопать так, будто был на концерте Обуховой! Я решила, что он хочет доставить мне удовольствие: ведь я так нахваливала Алину!

Когда Алина кончила петь, она решила прямо со сцены прыгнуть в зрительный зал. Это было, конечно, очень эффектно. Мальчишки, забыв про своих девиц, бросились ей помогать. И тут произошло что-то совершенно неожиданное: наш Лева, всегда такой медлительный и неповоротливый, тоже подскочил к сцене и протянул Алине левую руку. Правой он держал старинный дедушкин футляр.

Мне было обидно, что Левина рука как-то затерялась в толпе других рук и ничем от них не отличалась. И сам Лева как-то затерялся среди старшекласников. Но Алина со сцены разглядела Левину руку и, представьте себе, оперлась именно на нее. Да, на нее! Наш Лева весь покрылся красными пятнами, будто кто-то надавал ему по физиономии.

Вообще-то он часто краснел. Но всегда для этого были какие-то основания.

А тут он покраснел без всяких оснований.

Когда Алина прыгнула в зал, Лева поблагодарил ее. За что, спрашивается? За что? Это она должна была сказать «спасибо»: ведь он протянул ей руку, а не она ему. Происходило что-то странное.

Наш школьный эстрадный оркестр заиграл танго. «Сейчас во время танца скажу Леве, что вовсе не считаю Алину своей подругой, – решила я, – и не требую, чтобы он ради меня так перед ней вертелся!» В эту минуту брат наклонился ко мне. «Ага, не забыл своего обещания! – подумала я. И вытерла ладони о холодную стену, покрашенную масляной краской: они у меня немного вспотели. – Сейчас я впервые буду танцевать на вечере старшекласников!..»

– Подержи, пожалуйста, – поспешно проговорил Лева. И старинный дедушкин футляр оказался у меня под мышкой.

А Лева опять уже был возле сцены и протягивал руку Алине: он приглашал ее танцевать. Я снова вытерла ладони о холодную стену.

О, как я ненавидела Алину в этот момент! Я ненавидела даже ее имя – такое редкое, необычное. Меня-то ведь все звали просто Женькой. «Имя среднего рода, – шутил отец, – не поймешь: женское или мужское». Ничего себе представление о справедливости: сам же всучил мне это имя в честь какой-то своей любимой тетушки и сам же острит! Я не видела эту тетушку ни разу в жизни: она умерла за десять лет до моего рождения. И было непонятно: почему родители решили преподнести ей подарок за мой счет?

Все наши девицы с их глубокими вырезами сразу стали казаться мне милыми и симпатичными по сравнению с Алиной. Она заставила Леву бросить сестру, которая решила посвятить ему всю свою жизнь! Но даже не в этом дело. Она заставила моего брата вести себя так, будто он ничем не отличался от десятиклассников, которые все были в нее влюблены. И за это я тоже ее ненавидела!

Алина все время, не отрываясь, смотрела на Леву в упор и как-то слишком многозначительно. Притворство! Сплошное притворство! Лева не мог нравиться ей, как ему не могли нравиться всерьез ее эстрадные песенки.

Сутулый, нескладный, в костюме, который всегда кажется чужим и мятым. Лева абсолютно не в ее вкусе. Все дело в том, что он студент Консерватории, что у него блестящее будущее! Вот она и смотрела в упор, будто старалась его заморозить. Но, к счастью, Лева не замечал этого взгляда: он опустил голову и изучал свои ноги. Он всегда смотрит на свои ноги, когда танцует.

Никто не обращал на меня никакого внимания. Я стояла одна и прижималась спиной к холодной стене, чтобы не мешать танцующим. Меня толкали и даже не извинялись. А некоторые спрашивали, как та десятиклассница в раздевалке: «Женька, как ты сюда попала?», «А ты как здесь очутилась, Женька?». И некому было меня защитить: мой брат танцевал с Алиной!

Тут я вспомнила про Лилю. Лева даже не поинтересовался, где находится его «аккомпанемент». Ничего себе рыцарь!

Я вспомнила, как Лиля однажды сказала: «Профессиональный музыкант не должен появляться среди зрителей в день своего выступления».

«Умница! Конечно, не должен! – думала я. – Тогда он будет загадочным и недоступным. А иначе он станет для всех обыкновенным человеком, абсолютно равным и неинтересным. Как мой брат, которому десятиклассники преспокойно наступают на ноги. Будто он и правда ничем от них не отличается, словно это не он будет участвовать в конкурсе музыкантов-исполнителей!»

После танго Лева подошел ко мне такой красный, будто ему еще раз надавали пощечин. Он был очень взволнован. Я его таким никогда не видела. И не хочу больше видеть!

– Ты же поклялся танцевать только со мной, – сказала я.

– В принципе ты права, – ответил он мне, еле переводя дух. – Но я умею танцевать только танго... Ты же знаешь. В другом танце я выглядел бы очень смешно...

– А вообще не танцевать с ней ты не можешь? Эта мысль тебе не приходит в голову?

Когда люди, которые «не от мира сего», совершают ошибки, с ними надо говорить резко и прямо. Во имя их же спасения!

Но я не успела спасти своего бедного брата. Оркестр заиграл твист. И Алина, отбиваясь от мальчишек, которые приглашали ее, сама подошла к Лева. Представляете? Сама подошла! Вот так красавица! Вот так гордячка! Совсем потеряла совесть. И Лева пошел танцевать твист, который он танцевать не умел.

Алина его учила. Теперь они оба смотрели на ноги. Она учила Леву всего-навсего танцевать, но вид у нее был такой покровительственный, будто она объясняла ему, как надо жить на белом свете.

А я снова прижималась к холодной стене. Меня снова толкали и спрашивали, как я пробралась на этот вечер.

Нормальные люди выставляют напоказ то, что им выгодно выставлять. А то, что невыгодно, прячут подальше. Мой брат плохо танцует, а Алина заставляла его выделять самые трудные па. Зачем? Может быть, она хотела выставить его на посмешище перед своими друзьями? Они ведь тех, кто плохо танцует, вообще людьми не считают.

По крайней мере, десятиклассники уже поглядывали на моего брата свысока и даже с насмешкой: в танцах они были сильнее его. Алина дала им возможность почувствовать пре-

восходство над моим братом, и за это тоже я ее ненавидела. Я мечтала, чтобы наш школьный эстрадный оркестр, который я всегда любила слушать, поскорее умолк. Но он не умолкал до тех пор, пока снизу не пришла гардеробщица и не сказала Роберту-организатору:

– Я ваши вещи до утра караулить не собираюсь...

Тогда вечер закончился.

Ко мне подошел Лева и протянул руку за старинным дедушкиным футляром.

Я спрятала футляр за спину и сказала:

– Думаю, он тебе уже не пригодится.

– В каком смысле?

– В том смысле, что ты, кажется, собрался поступать в хореографическое училище? Но лучше поступи в цирковое: там учат на клоунов. Ты сегодня неплохо выступал в этом жанре.

Может быть, я говорила слевой слишком прямо и резко. Но я имею на это право. Ведь я решила посвятить ему всю свою жизнь. И я должна спасти его от Алины! Чему она может научить моего брата? Петь эстрадные песенки? Что между ними общего? Да и вообще Лева сейчас не имеет нрава влюбляться! Он должен готовиться к конкурсу. И заниматься с утра до вечера. А не влюбляться! Я должна спасти его, уберечь. И я это сделаю!

Но спасти Леву будет не так легко. Ведь он «весь в себе». А когда люди, которые «все в себе», вобьют себе что-нибудь в голову, им невозможно ничего объяснить.

– Алина одна. А сейчас уже поздно, – сказал Лева. – Мы проводим ее до дома.

– Единственное, что ей не угрожает, – это одиночество! – воскликнула я. – Вот увидишь: все наши кавалеры за ней поплетутся...

Зачем я произнесла эту дурацкую фразу? На мужчин, я заметила, ничто так сильно не действует, как успех женщины сразу у многих. Это и на мальчишек тоже распространяется. Поэтому-то, я заметила, почти в каждом классе обязательно есть какая-нибудь общепризнанная красавица. И чаще всего она ничуть не лучше других. Просто однажды в нее случайно влюбились двое мальчишек сразу. А остальные подумали: раз за ней бегают сразу двое, значит, она того заслуживает. И пошла цепная реакция! Когда я произнесла роковые слова о том, что Алине не грозит одиночество, Лева как-то болезненно улыбнулся, беспомощно развел руки в стороны (дескать, что тут поделаешь!) и сказал:

– Да, я понимаю... Она пользуется успехом.

– Дешевым успехом! – воскликнула я.

Но исправить ошибку уже было нельзя. И мы пошли провожать Алину. А дом ее находится в совершенно противоположной стороне от нашего дома.

Я почти всю дорогу молчала. По правде сказать, я в присутствии Алины почему-то робела. И даже помимо воли иногда ей поддакивала. И Лева поддакивал всякой ее ерунде. Я поглядывала на него с изумлением. И с испугом: мне казалось, что он поглупел и вообще стал каким-то совсем другим человеком. Впрочем, я вспомнила, что многие великие люди любили ничтожество и в их присутствии изрядно глупели. Неужели и моего брата ждет такая судьба? Алина же просто не умолкала. Но говорила она в свой меховой воротник.

– Берегу горло, – объяснила она.

Вы слышали? Значит, она воображает себя певицей! Ее горло представляет, видите ли, такую огромную ценность, что его надо беречь! В общем, мне пока что так и не посчастливилось услышать ее настоящий голос: пела она в микрофон, а говорила в меховой воротник.

– В принципе вам всегда следует держать горло в тепле, – изрек мой брат Лева.

Эта фраза Алине очень понравилась, и она в благодарность призналась Леве, что кларнет – ее самый любимый музыкальный инструмент.

Представляете? Она, оказывается, может слушать кларнет с утра и до вечера.

И еще может сутками слушать саксофон.

Хорошо, что она не сравнила кларнет с барабаном. Или с какими-нибудь другими ударными инструментами. Я думала, Лева содрогнется оттого, что его любимый кларнет поставили в один ряд с саксофоном. Но Лева не содрогнулся. А, наоборот, согласился с Алиной:

– Да, саксофон обладает оригинальными средствами музыкального выражения...

Но самое непонятное было то, что и я зачем-то сказала, что люблю саксофон. У этих красивых девчонок удивительная власть над людьми!

– Сразу после Нового года, – сказал Лева, – у нас будет концерт студентов второго курса. В Малом зале Консерватории...

Меня раздражает Левина манера все уточнять. Ну какая разница, в Малом или Большом зале будет концерт! Можно было просто сказать: «В зале Консерватории». И обязательно надо уточнить, что он учится на втором курсе, а то, не дай бог, подумают, что на пятом! И свой будущий конкурс он всегда величает полным именем: Всероссийский конкурс музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Хотя можно сказать просто и гораздо короче: конкурс музыкантов-исполнителей. Пусть думают, что вообще всех музыкантов, и не всероссийский, а всесоюзный или даже международный! Нет, Лева должен сказать все точно, как есть. Странный характер!

– Для меня будет большим подарком, если вы придете на этот концерт, – сказал Лева.

Можно было подумать, что он приглашает Антонину Васильевну Нежданову: «Большим подарком»!

– Дайте мне свой телефон: я позвоню накануне, – сказала Алина.

Как всякая красавица, она, конечно, очень занята!

– Нет, вы можете не дозвониться. Лучше договоримся прямо сейчас, – настаивал Лева. – Правда, Женя, так лучше?

– Конечно, – сказала я.

Мне хотелось обругать брата за его приглашение, а я сказала: «Конечно». Мой язык просто сошел с ума! Я была под сильным гипнозом.

Наконец Алина согласилась прийти. Еще бы: ведь она так любит кларнет!

– Мы будем ждать вас у входа, – сказал Лева. Сомнений не оставалось: он был влюблен!

– А вы мне преподнесите ответный подарок! – уже прощаясь, кокетливо сказала Алина.

Лева сделал такое лицо, словно готов был отдать ей все, что она пожелает.

– Согласитесь солировать в нашем эстрадном оркестре! Это будет так оригинально: музыкант-профессионал выступает со школьным джазом!..

Я поперхнулась холодным воздухом. А Лева преспокойно ответил:

– В принципе это возможно...

– Заметано! – сказала она. И скрылась в дверях.

Я тут же освободилась от ее гипноза.

– Ты еще будешь играть в фойе! Как наш бедный дедушка! – крикнула я Лева. – Помяни мое слово: этим все кончится!..

29 декабря

Вся моя жизнь под смертельной угрозой. Вся моя жизнь! Если Лева станет играть в школьном джазе, ему это может понравиться: ведь у него такая опасная наследственность по линии дедушки. И потом, он в самом деле может захотеть выступить в фойе, перед началом сеансов. А люди будут жевать бутерброды. Тогда я уже не смогу посвятить ему всю свою жизнь. Музыканты, которые играют в фойе, не имеют права быть «не от мира сего», и им как-то не принято посвящать свою жизнь. На это имеют право только великие музыканты!

А если Лева не станет великим или, по крайней мере, известным? Что я тогда буду делать? Тогда все мои планы летят кувырком. Я, как мои одноклассницы, должна буду придумывать...

мывать себе будущую профессию, и зубрить, и гоняться за отметками. Я должна буду стать такой же, как все...

Но я думаю, конечно, не о себе. Дело в Лева! Ради него я пойду на все! Настоящие сестры часто вмешиваются в личную жизнь своих братьев. И не требуют благодарности. Я тоже вмешаюсь! Лева забудет Алину, и хорошо подготовится к конкурсу, и завоюет там первое место! И тогда я смогу посвятить ему всю себя, без остатка!

– Неужели ты не видишь, что она вся неискренняя и фальшивая? Вся насквозь! – сказала я Лева. – Кларнет – ее любимейший инструмент! Да есть ли на свете хоть один нормальный человек, для которого кларнет был бы самым любимым инструментом? Есть ли такой человек? Нету такого!

– Это твоя личная точка зрения, – сказал Лева.

– Это факт, а не точка зрения! Я надеялась, что ты станешь первым в мире великим кларнетистом! Но напрасно... И неужели ты думаешь, что она в самом деле знает... разные языки? Просто выучивает слова и бессмысленно их повторяет. Сейчас любой певец, даже откуда-нибудь из Гваделупы, поет «Подмосковные вечера» по-русски. И что же, по-твоему, он знает русский язык?.. Так и она. И волосы у нее крашенные...

– А может быть, у нее вообще парик? – с улыбкой перебил меня Лева. Он готов был ее защищать. Это было ужасно. – Раньше ты говорила другое: и про волосы и про песни. Нельзя же так быстро менять свое мнение. И поддакивала ей, когда мы ее провожали.

– Я иронически ей поддакивала. Как бы в насмешку...

– Прости, я не почувствовал этой иронии. К тому же она бы была неуместной.

– Ты ее любишь?! – воскликнула я.

Он ничего не ответил. Но я понимаю: разговаривать с ним бесполезно. Я должна действовать! И я буду...

30 декабря

Сегодня последний день второй четверти. Мы, конечно, написали на доске мелом: «Последний день – учиться лень!» Учителя читают и делают вид, что сердятся.

Завтра каникулы! Я обожаю каникулы. Учителя отдохнут от нас, а мы отдохнем от них. И у всех поэтому хорошее настроение.

На переменах старшеклассницы носятся по коридору, шушукаются, договариваются, кто с кем будет встречать Новый год. Я давно заметила, что о самых простых вещах они почему-то любят говорить шепотом и с таинственным видом. Так им интереснее!

И учителя, конечно, тоже будут встречать Новый год. На уроке литературы я старалась представить себе, как они это будут делать. Я вообще часто стараюсь представить себе жизнь наших учителей. Особенно учительниц. Какие у них мужья? И как у них дома? Неужели даже наша химичка, которая ни разу за два года не улыбнулась и называет нас всех на «вы», дома тоже целует мужа? И он целует ее?.. Интересно, как это все происходит? Но это же происходит, потому что у нее на руке кольцо.

Толстое, старомодное, но все-таки обручальное! Значит, дома она целуется... Представляете? И у нее, может быть, даже есть дети...

У всех хорошее настроение. Даже химичка пожелала нам полезного отдыха. Не счастливого, а полезного!

Но у меня на душе тяжело. Что-то висит. Это висит Алина! Я ведь нарочно развлекаю себя разными посторонними мыслями, чтобы забыться.

Но забыться я не могу: Лева будет играть с нашим школьным джазом! Солировать! А потом докатится до фойе. Если я его не спасу!

Пишу на уроке... Я заметила: последние дни и часы в пионерлагере, или в поезде, или в школе всегда тянутся страшно медленно. Просто сил нет.

Но вот наконец звонок! Не забыл нас, родименький! Иду на перемену...

Начался последний урок. Математичка терпеть не может, когда отвлекаются. Если заметит, тут же вызывает. Конечно, обидно погибнуть в последнем бою, но я должна немедленно записать все в свой дневник. Я должна рассказать о том, что произошло буквально минуту тому назад, на перемене. Я сделала смелый, решительный шаг! Ради Левы, ради его музыкального будущего! Оценит ли он это когда-нибудь?

На последней перемене старшеклассницы продолжали носиться по коридору, шушукаться и обниматься.

Алина ни к кому не подбегала: все подбегали к ней, потому что она у нас прима, она вне конкурса.

Но ко мне Алина направилась сама, и я даже не шелохнулась, ни одного шага не сделала ей навстречу. Она улыбалась мне своим длинным и красивым глазом, который почему-то напоминал мне вытянутую голубую раковину. А второго ее глаза я никогда не видела: он всегда закрыт прямой, золотистой прядью волос.

Она притянула меня к себе, чуть-чуть нагнулась и прижалась ко мне щекой. Представляете? Наши семиклассницы просто попадали от зависти.

Мысленно, конечно, попадали. А я даже не шелохнулась.

– Какие у нас показатели? Дед-Мороз будет доволен? – спросила Алина.

Я решила на этот раз ни за что не поддаваться ее гипнозу. Ни за что!

Показатели, то есть отметки за вторую четверть, у меня очень неважные.

– Какое это имеет значение? – ответила я.

Она снова прижалась ко мне щекой. И наши девчонки снова попадали. Но я была холодна и спокойна.

Я знаю, что невесты обычно хотят подружиться с родителями своих женихов, заполучить их себе в союзники. Алина до мамы с папой еще не добралась, она начала с меня. Это мне было понятно. И я к ней прижиматься не стала.

– Поздравляю тебя с Новым годом, – сказала Алина. – И всех наших *общих знакомых!*

На общих знакомых она сделала такое ударение, что мне стало просто не по себе. Никаких общих знакомых у нас не было: она говорила о Лева.

– Увидимся в новом году, – продолжала она. – Место встречи и время все те же?

Тут я сделала свой решительный шаг.

– Вы знаете, Лева очень просил извиниться... – сказала я ей тихо, чтобы не слышал никто другой. – Наша встреча не состоится.

– Не состоится? – словно желая разглядеть меня получше, она отбросила золотистую прядь, и я первый раз увидела оба ее глаза одновременно. Но они в этот миг не были похожи на голубые вытянутые раковины. Они были круглыми от удивления. И мне ее стадо даже немножко жаль. Но я подавила в себе эту слабость. Если Лева действительно нравится ей, то тем хуже: не хватало еще, чтоб у них началась любовь накануне конкурса музыкантов-исполнителей!

– У него есть невеста, – сказала я. – И ей было бы неприятно... Вы понимаете?

– Он обручен? – спросила она уже с насмешкой. Но эта насмешка была какая-то неспокойная, нервная.

– Ну да... Можно сказать, обручен. Очень давно, прямо с детского возраста. Со своей аккомпаниаторшей.

– С этой...

– Ну да, – перебила я, – она некрасива. Но у них общие идеалы! Их сблизил музыка. Они любят друг друга...

Это была ложь во имя спасения брата. Оценит ли он это когда-нибудь?

3 января

Вчера был концерт студентов Консерватории... Он начался в семь тридцать вечера, но мы с Левой пришли на час раньше и мерзли на улице.

Лева, видите ли, боялся, что Алина может перепутать и тоже прийти на час раньше, потому что некоторые концерты начинаются в шесть тридцать. Представляете?

Мы бы, наверно, совсем околели, если бы Лева не казалось, что каждая со вкусом одетая девчонка, которая появлялась вдали, это Алина.

Мы бежали навстречу, девчонки испуганно останавливались или шарахались в сторону. А мы извинялись и возвращались на свой пост к подъезду. Так мы хоть немного согрелись.

– Интересно, как ты будешь держать кларнет замерзшими пальцами? – сказала я. – Хорошо еще, что ты играешь не на рояле. И не на скрипке. Иди!.. Я сама ее встречу.

Куда там! Лева и слышать об этом не хотел. Мама всегда говорит, что он очень цельный человек. Вообще-то это неплохо. И даже хорошо. Но когда цельный человек влюбляется, с ним ничего не возможно поделать. Ему ничего нельзя объяснить.

Великие люди имеют право на странности, и эти странности им надо прощать. Потому что великий человек, с одной стороны, «весь в себе», а с другой – немножечко не в себе. Это я понимаю. Но ведь Лева вчера был не в себе не как выдающийся человек, а так же, как все наши мальчишки-десятиклассники, которые тоже влюблены в Алину. Вот почему я не хотела прощать! У необычных людей должны быть необычные странности.

Когда у Левы появятся такие странности, я их сразу буду прощать! Не задумываясь... Честное слово! А вчера я не прощала...

Лиля считает, что настоящий артист не должен появляться среди зрителей в день своего выступления. А Лева прямо-таки бежал навстречу зрителям, чуть не сшибая их с ног, если ему казалось, что вдали появилась Аллина. Среди зрителей было много Левиных знакомых, и все они спрашивали:

– Кого ты тут ждешь?

И Лева начинал подробно объяснять, что ждет одну десятиклассницу, которая учится в моей школе. Знакомые ухмылялись и глупо подмигивали. Но Лева и в следующий раз отвечал подробно и точно. Он всегда говорит чистую правду, одну только правду. Как будто нельзя было сказать, что мы ждем тетю, дядю или каких-нибудь других родственников. Или, например, маму с папой.

Если Лева звонят по телефону, он всегда подходит, как бы ужасно он ни был занят. Я ему говорю иногда: «Можно сказать, что тебя нет дома?» – «Но я ведь дома», – отвечает он. И подходит, хоть ему очень не хочется.

Представляете?

Человек не может всю жизнь говорить одну только правду. Мало ли какие бывают случаи! Я уже твердо решила, что во всех этих случаях я буду врать за брата. Раз он сам не умеет! Что тут поделаешь? Пусть это будет еще одной жертвой!

– С ней что-то случилось, – сказал мне Лева. – С ней что-то случилось... А? Как ты думаешь?

– Ничего не случилось! – ответила я. – Она терпеть не может классическую музыку. И кларнет! Ведь я говорила тебе. Предупреждала! Я была уверена, что она не придет...

В этот момент появились мама и папа. Они были торжественные, нарядные и так гордо поглядывали по сторонам, будто все вокруг должны были знать, что их Лева выступает сегодня в Малом зале Консерватории. А этот Лева, которым они гордились, прыгал на одном месте, как воробей.

Папа, когда волнуется, всегда начинает шутить. Но волнение мешает ему быть остроумным.

– Боюсь, твой кларнет будет сегодня чихать и кашлять, – сказал он.

– В чем дело? – воскликнула мама.

Что бы стоило Леве сказать, что мы ждали на улице своих любимых родителей! Что мы продрогли, но ждали! Как бы им это было приятно. Но, к несчастью, Лева всегда говорит одну только правду. И он снова стал объяснять, что мы ждем одну десятиклассницу, которая учится в моей школе. Мама ничего не поняла. Но она была в ужасе от того, что Лева еще на улице. Ему пришлось отправиться за кулисы. А я обещала подождать Алину.

– Она не придет! – сказала я Леве. – Ей противны классическая музыка, и твой кларнет, и Малый зал Консерватории... И даже Большой тоже противен! Но я подожду. Раз ты просишь, я подожду!

Я постояла на улице еще минут пять или десять. Мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь спросил: «У вас есть лишний билетик?» Мне очень хотелось, чтобы на концерт, в котором участвует Лева, стремилась попасть вся Москва. Но никто за билетами не охотился, и мне оставалось только мечтать.

Я мечтала о том дне, когда Лева будет выступать не в общем концерте, а один, в сопровождении большого оркестра. Государственного оркестра СССР! Мы подьем с Левой к служебному подъезду, там будут его поклонники (не какие-нибудь девицы, которые охотятся за тенорами, а серьезные пожилые люди – ценители музыки!), и я услышу за спиной шепот: «Это его сестра! Она посвятила ему всю свою жизнь. Он без нее, как без кларнета!» Представляете?! Но вчера «лишних билетов» никто не искал. Хотя когда я вошла в зал, он уже был абсолютно полон. Ни одного свободного места! Нет, одно свободное было... Рядом со мной, где должна была сидеть Алина.

Мама, конечно, стала тут же упрекать меня за то, что я заставила Леву ждать на улице какую-то свою подругу. Я заставила... С ума можно сойти!

И еще она возмущалась тем, что из-за меня в зале «зияет пустое место». Так она и сказала: «Зияет»!

Я, конечно, ничего ей объяснять не стала. Ей вчера вообще ничего нельзя было объяснить. Она была очень напряжена. И все делала неестественно: неестественно долго и внимательно читала программу, в которой было указано, что Лева выступает предпоследним в первом отделении, неестественно улыбалась родителям других участников концерта, которые все сидели в нашем ряду. Весь ряд состоял из одних только родственников. И это было как-то противно. Не могли уж рассадить нас по разным углам.

Мама все время, словно какой-нибудь гид в музее, сообщала мне: «Вон там сидит лауреат! А там сидит трижды лауреат! А там профессор Консерватории...» Мамочка очень волновалась. И мне хотелось успокоить ее. Но я не могла ее успокоить, потому что она ничего не слышала и не воспринимала.

И вдруг она схватила меня за руку:

– Что это? Что это значит?!

Я увидела, что из-за кулис выглядывает наш Лева. Он искал нас глазами. Потом нашел, увидел рядом со мной пустое место... Помрачнел, то есть буквально изменился в лице. И скрылся. Мама взглянула на меня. Но что я могла ей объяснить?

Наконец начался концерт. На сцену вышел мужчина с утомленным лицом.

– Он всегда ведет симфонические концерты, – шепнула мне мама. – Ты видела, наверно, по телевизору?

Вид у мужчины был такой, будто он являлся главным участником концерта. И фамилии знаменитых композиторов он выговаривал так, что я не сразу их узнавала.

Скрипки, рояли и виолончели казались мне в тот вечер просто невыносимыми. Я впервые заметила, что великие композиторы ужасно затягивали свои музыкальные произведения. Их вполне можно было бы сократить! Когда раздавались аплодисменты, я злилась и думала: «Не хватает, чтобы упростили играть еще!» И стоило только мне так подумать, как обязательно играли еще.

Мне казалось, что никогда не дойдет очередь до нашего Левы. Но она наконец дошла. Седой, усталый мужчина произнес и нашу фамилию так, будто это была чужая фамилия. Вышел Лева, а через несколько секунд после него вышла Лиля. Она держалась как настоящая аккомпаниаторша: не спеша разложила ноты, поправила под собой стул и устремила глаза на Леву, ожидая его команды.

А наш Лева выглядел, как и на школьной сцене, слишком домашним. В нем не было никакой недоступности и загадочности. И костюм его опять казался не новым, а мятым, хотя я вчера полдня чистила и отглаживала его.

Я не слышала, как он играл, потому что все время тайком разглядывала зрителей. Но трудно было что-нибудь угадать: смотрели внимательно на Леву – и все... А некоторые закрывали глаза. Потом раздались аплодисменты.

Хлопали не очень сильно, как всегда бывает после первого номера. Все и так знали, что Лева будет играть еще. Но когда аплодисменты затихли, я услышала сзади глухой мужской голос:

– Он сегодня не в форме...

И другой голос, тоже старческий, глуховатый:

– Да, как говорят шахматисты, играет не лучшим образом.

Мама еще до концерта успела мне сообщить, что сзади сидели Левины профессора. Я боялась взглянуть на маму. Но увидела, как она схватилась за ручку кресла.

Мне хотелось обернуться к Левиным профессорам и сказать: «Поверьте, это я во всем виновата. – Я!..»

Ночью я слышала, как Лева ворочался и даже что-то шептал. Вроде бы рассуждал сам с собой. Потом встал и пошел на кухню. Когда он вернулся, я спросила:

– Что? Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет... Просто хочется пить. Жажда какая-то... А почему она не пришла? Как ты думаешь, Женька?

И тут я не выдержала.

– Все это по моей вине, Лева... – сказала я.

– По твоей?..

Мне показалось, что в его голосе была радость. Или, вернее, надежда.

– По моей! По моей! – подтвердила я. И все рассказала. В комнате было темно. Я не видела Левиного лица – и так было легче рассказывать.

– В принципе ты поступила подло, – сказал Лева.

Когда резкие слова произносят громко, это значит, что их говорят сгоряча. И, может быть, вовсе не думают то, что говорят. А Лева сказал совсем тихо, спокойно... Значит, он был уверен, что я совершила подлость. Он был уверен... Мне стало холодно под одеялом.

– Но ведь я хочу посвятить тебе всю свою жизнь, – прошептала я. – Я готова пожертвовать...

– Это манера деспотов, – перебил меня Лева.

– Какая манера? – не поняла я. – При чем же тут деспоты?

– Они превращают в свои жертвы тех, ради которых хотят всем на свете пожертвовать.

– Значит, я не имела права вмешаться?!

– А может быть разве такое право? – спросил Лева как бы себя самого. – Хоть у кого-нибудь... Может быть разве такое право?

Лева снова лег и поплотней укрылся одеялом. Я села к нему на постель.

– Все-таки хорошо, что она не пришла из-за меня... А не сама по себе. Все-таки хорошо?..

Лева пожал плечами. Это было под одеялом, но я почувствовала, что он ими пожал...

Потом он вдруг улыбнулся. Было темно, но я увидела, что он улыбнулся. И пошла к себе...

Я больше не буду вести дневник. А то, пожалуй, в книге о брате могут не поместить мой портрет, с подписью «Сестра музыканта».

Очень страшная история

От автора

Судьбе было угодно, чтобы я родился в семье инженерно-технического работника, в самом начале второй половины нашего века. Это была дружная трудовая семья. Я был последним ребенком в этой семье. Первым ребенком был мой старший брат Костя. Всего, значит, нас было двое. Сейчас уже Костю трудно назвать ребенком, потому что он бреется и учится в университете.

Родители наши сумели дать своим детям хорошее образование: Костя, как я уже сказал, студент, и я тоже учусь.

У нас с братом были совершенно разные характеры. Они и теперь абсолютно разные, но я пишу «были», потому что предисловия «От автора» всегда пишутся в прошедшем времени, как воспоминания. Брат увлекался техникой, а я любил читать детективные повести и романы. Потом, в более зрелом возрасте, я внезапно почувствовал тягу к творчеству.

У меня не было старой няни, которая бы рассказывала мне в детстве сказки и так понемножку приучила бы меня любить литературу. Мама сама вела хозяйство, поэтому ни няни, ни домработницы у нас не было.

Но зато на меня как на будущего автора детективных произведений огромное влияние оказали мои родители.

Когда я еще был во втором или в третьем классе, мама вышила на мешке для галош мою фамилию: «Деткин».

Это был самый обыкновенный мешок, но он сыграл в моей жизни необыкновенную роль! Судьбе было угодно, чтобы последние три буквы стерлись, исчезли: нитки порвались то ли от старости, то ли оттого, что мешок служил мне верным оружием в коротких, но решительных схватках, которые вспыхивали время от времени в раздевалке. Так или иначе, по от моей фамилии остались лишь три первые буквы: «Дет...» – Галоши ДЕТЕктива! – крикнул один старшеклассник.

С этого и началось: меня прозвали Детективом. А если бы мама не вышила те буквы на моем синем мешке?..

Но положительное влияние родителей было не только в этом. Мама и папа часто отбирали у меня затрепанные приключенческие повести и романы. «Жалко тратить на это время!» – восклицали они. А потом я находил свою книгу под подушкой у мамы или случайно замечал ее в папином портфеле. Таким образом, с их помощью я понял, что все нормальные люди любят читать детективные книжки, но многие любят тайно. А тайная любовь, как известно, самая интересная и самая сильная!

Итак, я начал творить!.. Родители были против: «Жаль тратить на это время!» Тогда я вспомнил все известные мне случаи, когда отцы выгоняли из дому и даже лишали наследства будущих великих артистов, композиторов и писателей.

Эти примеры подействовали на папу и маму.

– Ладно, – сказал папа, – раз тебе не жалко времени, которое можно было бы потратить на изучение иностранного языка, на чтение полезных книг или, скажем, на спорт, пусть будет по-твоему! Но позволь и мне обратиться к классическим примерам...

Он достал первый том Собрания сочинений Лермонтова, прочитал вслух два стихотворения и сказал:

– Эти стихи были написаны Михаилом Юрьевичем, а точнее сказать, Мишей, в четырнадцатилетнем возрасте. Ты всего на полтора года моложе. Только на полтора. А если учесть, что дети сейчас взрослеют гораздо раньше, можно считать, что вы одного возраста!

– Ну и что? – спросил я.

– А то, – ответил мне папа, – что нельзя высосать повесть из пальца. Прежде чем сесть за стол, надо изучить человеческие характеры. А сюжет! Его должна подсказать тебе сама жизнь!

Я стал изучать характеры своих приятелей, соседей, учителей. Но сюжета жизнь подсказывать мне не хотела.

И вдруг случилось такое!..

Никогда я бы не смог придумать истории страшнее той, которая случилась на самом деле и которую я всю распутал от начала и до конца, доказав, что Детективом меня прозвали не зря!..

Глава I, в которой мы знакомимся с героями повести, не все из которых будут героями

Когда в прошлом году у нас в классе стали создавать литературный кружок, никто не представлял себе, что из-за этого может случиться. Какое таинственное, жуткое событие произойдет!..

Но я расскажу обо всем по порядку, не забегая вперед, хотя мне очень хочется забежать. Вы легко поймете меня, когда дочитаете до конца...

Итак, все началось год назад на самом обычном уроке, в самом обычном классе. Это была комната с четырьмя стенами, выходившая двумя своими стеклянными окнами прямо во двор, а одним окном – прямо на улицу.

Наш новый классный руководитель, Святослав Николаевич, сказал:

– Всюду, где я был классным руководителем, обязательно работал литературный кружок. Тем более он должен быть здесь, в этом классе, где учится Глеб Бородаев.

Мы все повернулись и посмотрели на последнюю парту в среднем ряду: там сидел тихий, пригнувшийся Глеб.

Это был человек лет тринадцати. Нежная, бархатная кожа его лица часто заливалась румянцем. Ростом он был невысок, учился посредственно и очень любил собак. Карманы его самых обыкновенных мятых штанов всегда оттопыривались. Опытный глаз мог почти безошибочно определить, что там кусок колбасы, или горбушка хлеба, или сосиска. Глеб от каждого своего завтрака оставлял что-нибудь для собак. И собаки платили ему той же любовью. Мы тоже любили Глеба. Он был добрым не только к собакам, но и к людям. Особенно если их настигала беда. Например, если кто-нибудь падал и расшибал коленку, Глеб сразу подбегал и говорил:

– Как все это... Ты не очень того... Я сейчас постараюсь...

Он, когда волновался, не договаривал фразы до конца. Фразы его неожиданно обрывались, как звуки неисправного мотора, который глохнет и опять начинает работать, глохнет и опять начинает... Но мы уже знали, что через минуту-другую Глеб притащит из докторского кабинета, с первого этажа, йод, а из уборной, с нашего этажа, – платок, смоченный холодной водой.

В его груди билось скромное, благородное сердце!

– Конечно, Глеб такой же ученик, как вы все, – сказал Святослав Николаевич. – Не его заслуга, что он внук Бородаева, писателя, творившего во второй четверти этого века в нашем с вами родном городе. И все же я рад, что Глеб учится именно здесь! Я думаю, что пристальный интерес к творчеству одного писателя обострит ваш интерес к литературе в целом. И тут Глеб может оказать вам неоценимую помощь!..

Все опять повернулись к Глебу... Когда на него смотрел один человек, он и то пригибался от смущения, а тут уж совсем лег на парту.

– Как-то все это... – тихо сказал он, не договаривая фразу, будто кто-то рядом расшиб коленку.

Мы знали, что в городе жил когда-то писатель Гл. Бородаев; портрет Гл. Бородаева висел в зале на доске «Наши знатные земляки».

Внезапно догадка озарила меня: «И его тоже, наверное, звали Глебом!» Мы не знали, что тот Глеб – родной дедушка нашего Глеба. Наш Глеб никогда никому об этом не говорил.

Но классный руководитель Святослав Николаевич раскрыл его тайну... Это был человек лет пятидесяти девяти (он говорил, что если мы решительно не изменимся, то он через год

сбежит от нас всех на пенсию). Ростом он был невысок. Глаза его глядели устало, об усталости свидетельствовала и бледность его не всегда гладко выбритых щек. Но внешность Святослава Николаевича была обманчива. Энергия в нем была ключом!

– Мы присвоим нашему кружку имя Глеба Бородаева! – воскликнул он. И в глазах его исчезла усталость.

– Как-то это... – тихо сказал Глеб со своей задней парты. – Меня ведь тоже зовут... Некоторые могут подумать... Которые из других классов...

Он не договаривал до конца ни одной фразы: значит, он волновался, как никогда.

– Есть ведь и другие... – продолжал он. – Почему обязательно дедушку?.. Хотя бы вот Гоголь...

– Но внук Гоголя не учится в нашем классе, – возразил Святослав Николаевич. – А внук Бородаева учится!

С того самого дня к Глебу приклеилось прозвище: Внук Бородаева. Иногда же его звали просто и коротко: Внук.

Всюду ребята любят придумывать прозвища. Но у нас в школе это, как говорили учителя, «стало опаснейшей эпидемией». А что тут опасного? Мне кажется, прозвище говорит о человеке гораздо больше, чем имя. Имя вообще ни о чем определенном не говорит. Ведь прозвище придумывают в зависимости от характера. А имя дают тогда, когда у человека еще вообще нет никакого характера. Вот если меня назовут просто по имени – Алик! – что обо мне можно будет узнать? А если по прозвищу – Детектив! – сразу станет понятно, на кого я похож.

Жаль только, что некоторые ребята путают и вместо «Детектив» кричат «Дефектив». Но я в таких случаях не откликаюсь.

– Занятия кружка ни в коем случае не должны быть похожи на наши уроки. Никто там не будет учиться! – заявил Святослав Николаевич.

И всем сразу захотелось вступить в этот кружок. Но на пути возникли неожиданные преграды.

– Творческая направленность будет лицом кружка, – сказал Святослав Николаевич. – А рекомендацией будет литературная одаренность!

Оказалось, что такой рекомендации нет почти ни у кого в нашем классе.

Только Андрей Круглов, по прозвищу Принц Датский, и Генка Рыжиков, по прозвищу Покойник, сочиняли стихи.

Прозвища их на первый взгляд могли показаться несколько странными, но это только на первый, легкомысленный взгляд.

Круглова прозвали не просто Принцем, а именно Датским, потому что он любил сочинять стихи к разным школьным датам и даже к семейным: к началу учебного года и к концу учебного года, к дням рождения и если кто-нибудь умирал.

Когда нашей школе исполнилось десять лет, он сочинил:

В этот день, когда мы отмечаем
Нашей школы славный юбилей,
Мы с большим волнением замечаем,
Что на сердце как-то веселей!

Однажды, первого сентября, пионервожатая прочитала нам на линейке стихи Принца:

В этот день, когда мы начинаем
Путь к вершинам знаний и наук,
Мы с большим волнением замечаем,
Будто стало солнечней вокруг!..

А перед летними каникулами в стенгазете появилось такое стихотворение Принца Датского:

В этот день, когда мы завершаем
Свой нелегкий, свой учебный год,
Мы с большим волнением ощущаем,
Будто слезы выльются вот-вот...
Хоть мы со школой расстанемся,
Места нет для грусти и тоски:
Все равно сердцами остаемся
Возле школьной парты и доски!

Святослав Николаевич сказал однажды, что «настоящий поэт не изменяет себе».

Принц Датский не изменил себе просто ни разу в жизни.

Это был человек лет тринадцати. Ростом он был высок, в плечах был широк.

Если Принц Датский узнавал, что у кого-нибудь дома происходит важное событие, он хватал бумагу и карандаш, убежал, чтобы побыть в одиночестве, а потом возвращался и говорил:

– Вот... пришли на ум кое-какие строчки. Может, тебе будет приятно?

Он совал в руки листок со стихами и убежал. Большая физическая сила сочеталась в нем с детской застенчивостью.

Однажды, как сейчас помню, он узнал, что мои родители празднуют годовщину свадьбы. Принц Датский подошел ко мне на перемене, сунул в руку листок и сказал:

– Вот... пришло кое-что на ум. Может, тебе будет приятно? И убежал. На листке было написано:

В этот день, поздравив папу с мамой,
Обстановку трезво оцени:
Страшная была бы в жизни драма,
Если бы не встретились они!
Если бы твой папа не женился,
Никогда б ты, Алик, не родился!

В его груди билось доброе, благородное сердце! Я читал, что поэты часто дружили между собой: Пушкин с Дельвигом, Шиллер с Гете... А Принц Датский дружил с Генкой Покойником.

Покойник писал стихи о любви... Это был человек лет тринадцати. Ростом он был невысок, в плечах неширок, лицо его было покрыто мертвенной бледностью.

И вообще он очень хотел умереть.

Жить не стоит,
В том нету сомнений!
Сердце в муке сгорело дотла,
Когда ты на большой перемене
К старшекласнику вдруг подошла.

Над этим стихотворением стояли две буквы: «А. Я.». А в поэме, первое чтение которой состоялось у нас в уборной, на втором этаже, были такие слова:

Умереть, умереть, умереть!
Мне во прах превратиться не жалко,
Чтоб уже никогда не смотреть,
Как с другим ты идешь в раздевалку...

Под названием поэмы тоже стояли две буквы: «Б. Ю.». Нам очень хотелось узнать, из-за кого Покойник так ужасно страдал. Мы проверили по классному журналу; девчонок с такими инициалами у нас в классе не было.

– Может, из другой школы?.. – высказал кто-то предположение.

Внезапно меня озарила догадка:

– Нет! Они обе из нашей школы: иначе бы он не видел, как А. Я. на большой перемене подошла к старшекласснику и как Б. Ю. спустилась с другим в гардероб!

– Это верно!.. Настоящий Детектив: какая сила логического мышления! – стали восторгаться ребята. Только Принц Датский сказал:

– Не трогайте Покойника!.. Кто его тронет, тот будет иметь дело со мной.

И хотя большая физическая сила сочеталась в нем с детской застенчивостью, все знали: Покойника он в обиду не даст. Он уважал его, потому что сам не умел писать стихов о любви.

– А только это и есть истинная поэзия! – воскликнул как-то Принц Датский. – Все классики с раннего детства писали о любви. Таланты надо беречь!

Это было его яркой особенностью: восторгаться другими.

– Почему же ты сам сочиняешь стихи к разным датам? – спросил я Принца.

– Людям приятно, когда их поздравляют... Особенно в рифму, – ответил он.

– А ты пиши и о любви тоже!

– Чтоб писать о ней, надо ее испытать, – ответил Принц Датский. – К Покойнику уже пришло его счастье, а ко мне еще нет.

К Покойнику это счастье приходило уже в третий раз. Вообще он вел рассеянный образ жизни. Все свои последние стихотворения он посвящал какой-то В. Э. Она еще не спускалась с другим в гардероб, но Покойник все равно жить не хотел:

Умереть мое сердце готово,
Разорваться в груди, как снаряд,
За одно твое нежное слово,
За один твой доверчивый взгляд.

Я набрался мужества и спросил:

– Скажи: кто она... В. Э.?

– Разве это не было бы чудовищно?..

– Что... чудовищно?..

– Разве я могу открыть ее имя?

– А почему?

– Тебе непонятно?

Это было его яркой особенностью: отвечать на вопрос вопросом.

– Но почему же? – настаивал я.

– Разве мужчина имеет на это право?

В его чахлой груди билось пылкое, благородное сердце!

Принца с Покойником сразу приняли в литературный кружок.

Попросилась в кружок и Валя Миронова.

Это было белокурое существо лет двенадцати с половиной. То есть в прошлом году, когда создавался кружок, все мы были на год моложе... Но в той страшной истории, которую я хочу рассказать, это не играет существенной роли.

Миронова была самым белокурым и самым старательным существом у нас в классе. Она, казалось, всегда думала об одном: как бы ей в чем-нибудь перевыполнить норму.

Если учительница задавала на дом решить семь арифметических примеров, Миронова поднимала руку и спрашивала:

– А восемь можно?

Если другая учительница просила сдать домашнее сочинение через четыре дня, Миронова поднимала руку и спрашивала:

– А через три можно?

Думая о человеке, всегда мысленно представляешь его себе в самой характерной для него позе. Ну, например: Глеб Бородаев вынимает из своих растопыренных карманов бутерброд с колбасой и кормит собаку; Принц Датский, несмотря на свой огромный рост и свою силу, застенчиво протягивает листок со стихами, которые кому-то должны быть приятны; Покойник ходит по коридору с бледным лицом и мечтает погибнуть... А Миронову я всегда представляю себе с поднятой рукой: она хочет, чтобы ей разрешили перевыполнить норму. Если врач скажет: «Тебе нужно сделать десять уколов!» – Миронова, я думаю, обязательно спросит: «А можно одиннадцать?» Как только Святослав Николаевич объявил о кружке, Миронова сразу подняла руку и сказала:

– Можно мне записаться?

– А что ты будешь сочинять?

– Что вы скажете... – ответила Миронова.

Это было ее яркой особенностью: подчиняться приказам.

– Поэзия, – сказал Святослав Николаевич, – это сфера чувств, там конкретность не обязательна. Проза – другое дело. В прозе каждый должен писать о том, что он лучше всего знает. А с чем ты, Миронова, сталкиваешься ежедневно? Со школой, с уроками, с домашними заданиями, со своими соседями и одноклассниками. Вот об этом и напиши. Начни, к примеру, с литературных зарисовок: «Мое утро», «Мой вечер»...

Миронова подняла руку и спросила:

– А можно «Мой день»? Это ведь будет и утро, и полдень, и вечер – все сразу!

Она и тут хотела перевыполнить норму.

– Пожалуйста, – сказал Святослав Николаевич. – Если тебя влечет такая именно тема, не возражаю. Зачем же наступать на горло собственной песне! Но только побольше конкретных деталей, подробностей. Пусть острая наблюдательность подскажет тебе все это. Принеси зарисовку дней через пять.

– А можно через четыре? Или через три дня? – спросила Миронова, предварительно подняв руку. По привычке она, как на уроке, поднимала руку, даже если разговаривала с кем-нибудь в коридоре или на улице.

Через три дня она принесла зарисовку «Мой день». Начинала Миронова так:

Я проснулась в семь часов десять минут по местному времени. Было утро. Я умылась на кухне, потому что в ванной комнате мылся сосед. На кухне у нас стоят два стола, потому что в квартире живут две семьи: у каждой по одному столу. На кухне два окна: одно выходит лицом на улицу, а другое – лицом во двор. В семь часов тридцать минут по местному времени я съела одно яйцо всмятку, один бутерброд с сыром и выпила один стакан чая с сахаром. Так начался мой трудовой день...

Святослав Николаевич похвалил Миронову:

– Много конкретных, тебе одной известных деталей!..

Миронову приняли в литературный кружок.

– Ну, а над чем ты будешь работать дальше? – спросил Святослав Николаевич.

– Над чем скажете...

В ее груди билось послушное женское сердце!

Трех человек уж приняли. Но этого было мало. И тогда Святослав Николаевич предложил вступить в кружок Наташе Кулагиной.

Это было самое замечательное существо в нашем классе. И во всей школе. И во всем городе!

Ростом она была такой, как надо... Да что говорить!

От самого дня рождения я никогда не был ветреником. И никогда не вел рассеянный образ жизни. Наоборот, постоянство было моей яркой особенностью: Наташа нравилась мне с первого класса. Она была полна женского обаяния. На переменках девчонки липли к ней со всех сторон: каждой хотелось походить с ней по коридору под руку. Это меня устраивало: если уж не со мной, так пусть лучше с ними!

Наташа часто записывала что-то в толстую общую тетрадку. Когда Святослав Николаевич пригласил ее в кружок, она сказала:

– Я не сочиняю, а просто записываю мысли. Так, для себя. О фильмах, о книгах...

– Это должно быть любопытно, – важно изрек Покойник. – Ты ведь и классные сочинения всегда пишешь оригинально, по-своему.

– Старик Покойник нас заметил и, в гроб сходя, благословил! – сказал я с плохо скрываемым раздражением.

Мне не понравилось, что Покойник хвалил Наташу. Не хватало еще, чтоб над очередным его стихотворением появились новые буквы: «Н. К.».

– О книгах, о фильмах?.. – переспросил Святослав Николаевич. – Значит, у тебя критическое направление ума! Вот и прекрасно. Нам нужны разные жанры. Поэзия и проза уже представлены. А теперь вот и критик! Будешь оценивать произведения членов кружка. Если острая наблюдательность подскажет тебе недостатки товарищей...

– Но я ведь просто записываю свои мысли... Что ж, я буду высказывать их вслух?

– А ты высказывай не свои, – посоветовала Миронова. – Поговори со Святославом Николаевичем, еще с кем-нибудь. Учебники почитай.

Наташа словно бы не расслышала ее слов.

– Нет, я не могу оценивать чужие произведения, – сказала Наташа. – С глазу на глаз могу. А так, в торжественной обстановке... Я не могу себе это позволить.

– Для начала послушай, – сказал Святослав Николаевич. – А потом творческий поток захлестнет тебя, увлечет в свое русло!

Она могла бы позволить себе все, что угодно, потому что ее считали самой красивой в классе. Но она не позволяла: в ее груди билось прекрасное сердце!

Через десять минут я попросился в литературный кружок.

– Ты тоже пробуешь силы в творчестве? – удивленно спросил Святослав Николаевич.

– Я хочу писать детективные повести...

– Прыгаешь через ступени?

– Как это?

– Нужна постепенность: сперва зарисовки, потом рассказы, а потом уже повести. Впрочем, не хочу наступать на горло твоей песне. Ты уже что-нибудь сочинил?

– Предисловие... И еще кое-какие наброски.

Все это я показал сперва папе, а потом Святославу Николаевичу. Тогда я еще не знал, какая страшная история вскоре произойдет, и в предисловии об этом ничего написано не было.

– Твои портретные характеристики несколько однообразны, – сказал папа, – а эпитеты, думается, крикливы. Ты подражаешь высоким, но старым образцам. Так уже нынче не пишут. Это не модно.

– Но ведь моды меняются, – возразил мой брат Костя. – Раньше носили длинные пиджаки, потом стали шить короткие, а теперь опять носят длинные...

В пиджаках Костя разбирался – у нас дома его считали пажоном.

– Да, я согласен, – сказал папа. – Мода – вещь переменчивая. И потом, первый опыт... Первый блин!

Святославу Николаевичу мой первый «блин» очень понравился.

– Кое-где ты продолжаешь благородные традиции рыцарских романов. В смысле стиля, конечно, – отметил он. – Могут сказать, что это несовременно...

– Мода – вещь переменчивая! – воскликнул я.

– Безусловно. К тому же я не хочу наступать на горло ни одной вашей песне! Острая наблюдательность тебе многое подсказала. И еще подскажет! Так что... Теперь в кружке уже...

– Пять человек! – быстро подняв руку, сказала Миронова.

Это было ее яркой особенностью: она любила подсказывать учителям.

– Нет, в кружке будет шесть членов, – поправил ее Святослав Николаевич. – Пять обыкновенных и один почетный: внук Бородаева!

Радость озарила усталые глаза Святослава Николаевича и его бледное, не всегда гладко выбритое лицо. Он не знал, к каким ужасным событиям это все приведет!..

И у меня на душе не было даже легкой тени тревоги. Даже смутное предчувствие чего-либо плохого не посетило, не коснулось меня в ту минуту.

Я радовался, как ребенок, что буду в одном кружке с Наташей Кулагиной! Я ликовал, как дитя!..

Глава II, в которой мы неумолимо приближаемся к страшной истории, хотя этого можно и не заметить

О, какие легкомысленные, поспешные выводы мы порой делаем!

Я всегда думал, что почетный участник чего-либо – это такой участник, который в отличие от обыкновенных участников может абсолютно ни в чем не участвовать. Но это было жестокое заблуждение.

Именно Глебу поручили организовать у нас в классе «Уголок Бородаева».

– Мне как-то... Самому-то... Это вроде не очень... – не договаривая фраз, отказывался Глеб.

– Заблуждение! – воскликнул Святослав Николаевич. – Неверное понимание... Дети и внуки выдающихся личностей всегда пишут мемуары, воспоминания, открывают и закрывают выставки. Одним словом, чтут память. Кому же и чтить, как не им?

Острая наблюдательность подсказала мне, что Глеб писать мемуары не собирался и вообще ему было как-то не по себе. Но он все же принес фотографию, на которой его дедушка был изображен в полный рост.

Это был мужчина лет шестидесяти или семидесяти. Острая наблюдательность давно подсказала мне, что в молодости люди меняются каждый год, а у старых людей трудно определить возраст. Ростом он был невысок, в плечах неширок.

– Почти все крупные личности выглядят хилыми и некрупными, – объяснил Святослав Николаевич. – Природа устремляет свое внимание либо на мышцы, либо на мозговые извилины. На то и другое у нее не хватает сил.

У Бородаева не было бороды. У него были усы.

– Отталкиваясь от своей фамилии, писатель мог бы отпустить бороду, – сказал Святослав Николаевич. – Но он не пошел по пути наименьшего сопротивления! Отсюда мы делаем вывод, что он не придавал значения внешним факторам, а только внутренним, то есть смотрел в существо, в глубь, в корень событий.

«Уголок Бородаева» расположился между подоконником и классной доской.

Здоровенный Принц Датский один приволок огромный фанерный стенд. В центре поместили фотографию писателя, под которой был указан год рождения и через черточку – год смерти. Черточка была короткая, а жизнь Гл. Бородаева была очень длинная: он скончался на семьдесят третьем году жизни.

На стенде поместили любимые книги покойного писателя, которые Глеб тоже принес из дому. На каждой обложке стоял лиловый штамп: «Из личной библиотеки Гл. Бородаева».

Оказалось, что писатель любил детективы. И не стеснялся своей любви. Я сразу понял, что в его груди билось честное, благородное сердце.

Были тут и книги самого Гл. Бородаева. На них тоже стояли лиловые штампы.

Опытный глаз мог бы безошибочно определить, что чаще всего у писателя брали почитать его повесть, название которой заставило меня вздрогнуть: «Тайна старой дачи». Она была самой затрепанной.

– Детектив? – шепотом спросил я у Глеба. Он утвердительно мотнул головой.

– Дай почитать...

– Но это же экспонат! – вмешался стоявший рядом Покойник. И лениво кивнул на плакат, вывешенный Мироновой: «Руками не трогать!»

– Тебя не касается! – ответил я Покойнику с плохо скрываемым раздражением. И вновь обратился к Глебу: – На одну только ночь!

– Хорошо, возьми, – сказал Глеб громко и внятно, как почти никогда раньше не говорил. Мне показалось, ему было приятно, что он может разрешить, а мог бы и запретить. Но потом я подумал: «Нет, у него такой гордый вид просто потому, что я хочу почитать книгу его дедушки. Я бы тоже гордился. Это вполне естественно!» Повесть произвела на меня огромное впечатление. В предисловии было написано, что «она относится к позднему периоду творческой деятельности Гл. Бородаева». Значит, на старости лет он вдруг полюбил детективы. А мои родители уверяли, что увлечение детективами – «это мальчишество». О, какие легкомысленные, поспешные выводы мы порой делаем!..

Да, «Тайна старой дачи» меня потрясла. Там было все, что я так ценил в художественной литературе: убийство и расследование.

Зимой на даче пропал человек. Исчез, испарился, как будто его и не было!

Это случилось ночью. Прямо под Новый год! Все окна и двери были заперты изнутри. Утром на снегу не нашли никаких следов. На протяжении трехсот двадцати трех с половиной страниц пропавшего искали следователи, собаки и родственники. Но напрасно... Это был единственный детектив из всех, которые я читал, где преступников не поймали.

В послесловии было написано: «Итак, преступников не обнаружили... Но зато обнаружила себя творческая индивидуальность автора! Он не пошел проторенным путем. В повести не найдешь «чужих следов», как не было их возле старой дачи после таинственного исчезновения... «Тайна старой дачи» так и осталась тайной. Зато читателю есть над чем поразмыслить!» Я размышлял несколько дней.

Глеб сказал, что дедушка описал дачу, на которой прошли последние годы его жизни.

– Детективный период? – спросил я.

– Нет, он только одну эту книгу... Больше он ни одной... Это была последняя...

– Лебединая песня! – воскликнул оказавшийся рядом Покойник. Он любил встречать в чужой разговор.

– Вот бы съездить на эту дачу! – сказал я.

– Всего час... Если на электричке... – ответил Глеб.

– Экскурсия на место событий? – усмехнулся Покойник. Убийства Покойника не волновали: он привык думать о смерти.

Святослав Николаевич сказал, что «Уголок Бородаева» необходимо украсить семейными фотографиями. На следующий день Глеб принес старую карточку, на которой усы у Гл. Бородаева почти совсем выцвели, лицо пожелтело. Он сидел в центре, а рядом стояли какие-то люди. Святослав Николаевич спросил у Глеба, кем они приходятся писателю. Глеб не знал.

– Вот наш кружок и прикоснется к поиску, к литературному исследованию! – воскликнул Святослав Николаевич. – Узнай дома, кто запечатлен фотографом на этой семейной реликвии.

Когда через три дня фотографию поместили на стенде, под ней была подпись:

«Писатель Гл. Бородаев в кругу близких. Слева направо: сосед писателя, соседка (жена соседа), брат жены писателя, жена брата жены, друг детства писателя, жена друга детства (вторая), дочь друга детства, сын друга детства, сын сына друга детства...»

Это были результаты исследования, которое провел Глеб.

– А сам-то ты где? – спросила у Глеба Миронова, которой поручили делать подписи под семейными реликвиями. У нее был самый разборчивый и красивый почерк.

– Я с дедушкой никогда... Я был еще маленький... – ответил Глеб.

– Ну что-о же ты? – печально протянула Миронова. – Ка-ак же ты так?

На следующий день Глеб принес фотографию, где он сидел в гамаке рядом с каким-то мужчиной. Опытный глаз мог бы заметить незаметное сходство между мужчиной и Глебом.

– Это папа, – объяснил Глеб. – А это вот я...

Под фотографией сделали подпись:

«Слева направо: сын писателя, сын сына писателя».

Тогда Глеб принес еще три семейные реликвии: он был снят с дядей и тетей, с сестрой и братом, с двоюродным братом и двоюродной сестрой. Все его сразу узнавали на фотографиях:

– Вот он! Ну как же... Вот он, присел на корточки! Почти что не изменился.

Миронова интересовалась, кем точно родственники, изображенные на фотографиях, приходятся Гл. Бородаеву, и делала подписи.

Часто к нам стали забегать ребята из других классов.

– Кто это у вас тут внук писателя? – спрашивали они. Мы указывали на Глеба.

Сперва он пригибался к парте, словно хотел залезть в нее от смущения. Но потом стал выпрямляться, уже не прятался, а протягивал руку и говорил:

– Очень приятно. Давайте знакомиться!..

Однажды на какой-то конференции старшеклассников Глеба выбрали в президиум. И объявили, из какого он класса. Чувство законной гордости возникло в наших сердцах! Если кто-нибудь теперь говорил, что не знает Гл. Бородаева, не читал его книг, мы возмущались: «Это позор! Каждому культурному человеку известно...» На разных школьных собраниях нас начали ставить в пример другим:

– В этом классе умеют чтить память знатного земляка! В этом классе любят литературу!..

– Каждый класс, как и человек, должен иметь свое лицо, свою индивидуальность, – объяснял Святослав Николаевич. – Раньше у нас этой индивидуальности не было. Теперь она у нас есть!

– Ты заметил, что Глеб стал говорить не хуже, чем мы с тобой? – спросила меня как-то Наташа Кулагина.

«...Мы с тобой», – сказала она. Сердце мое забилося. Я смотрел на нее с плохо скрываемой нежностью.

– Теперь он все фразы дотягивает до конца. Ты заметил?

Когда она обращалась ко мне, я всегда хотел сказать ей в ответ что-нибудь умное. Но ничего умного мне на ум в такие минуты не приходило. И я отвечал: «О, как ты права! Я думаю то же самое!..»

– О, как ты права! – ответил я ей и на этот раз. – Глеб стал говорить так же прекрасно, как мы с тобой. Я тоже заметил.

– Слава, оказывается, излечивает человека от застенчивости, от робости, – сказала Наташа.

А я подумал: «Эту мысль она обязательно запишет в свою тетрадку. Она рада, что Глеб излечился: ведь болезнь – это плохо, а излечение – всегда хорошо!»

– Он по-прежнему кормит собак? – спросила Наташа.

– Я не следил... Но я это узнаю! Клянусь, я это выясню для тебя! – крикнул я с плохо скрываемым волнением, потому что давно мечтал сделать что-нибудь для нее, выполнить ее задание или просьбу.

– Не надо узнавать, – сказала Наташа. – Может быть, ему сейчас некогда?

– О, конечно! Ведь его даже на общешкольные конференции приглашают!.. – воскликнул я.

И сразу же пожалел, что воскликнул. «Почему она так интересуется Глебом? Женщины любят знаменитостей. Я где-то читал об этом... Может быть, и она?..» Эта мысль заставила меня похолодеть. Но лишь на мгновение. «Нет, она не такая!.. – сказал я себе. – Просто она патриотка нашего класса. А Глеб принес классу известность, вот она и интересуется». Ревность, которая готова была со страшной силой вспыхнуть в моей груди, уступила место доверию.

Однажды на уроке литературы, когда до звонка оставалось минут пятнадцать, Святослав Николаевич сказал:

– Сегодня Глеб по моей просьбе приготовил для нас всех небольшой сюрприз: он прочтет несколько писем своего дедушки. Они адресованы родным и близким писателя. Эти материалы из семейного архива представляют большую ценность: нам станет ясен круг интересов писателя, мы заглянем в мир его привязанностей, его увлечений.

Глеб, который раньше умирал от смущения, когда его вызывали к доске, на этот раз твердой, уверенной походкой прошел между рядами парт и сел за учительский столик. Святослав Николаевич уступил ему место.

О каждом письме Святослав Николаевич говорил, что оно «очень показательно».

Если письмо было длинным, он восклицал:

– Как это показательно! Несмотря на свою занятость, писатель находил время вникать в мельчайшие проблемы быта. Отсюда мы можем понять, что он никогда не отрывался от жизни, которая питала его творчество.

Если же письмо было коротким, напоминало записку, Святослав Николаевич восклицал:

– Как это показательно! Краткость, ни одного лишнего слова... Отсюда мы можем понять, как занят был писатель, как умел дорожить он каждой минутой!

В другой раз, в конце урока литературы, Святослав Николаевич сказал:

– Давайте попросим Глеба Бородаева вспомнить какие-нибудь истории из жизни его дедушки.

Глеб опять прошел между рядами своей новой, твердой походкой, опять сел за учительский столик. Но ничего вспомнить не мог. Весь урок я боялся, что Святослав Николаевич вызовет меня к доске, и поэтому закричал:

– Поду-май, Глеб! Вспомни что-нибудь!.. Это так интересно. Так важно!

– Вспо-омни! – стали умолять его и другие, которые боялись, что их вызовут отвечать.

– Вот видишь, какой интерес к биографии твоего дедушки, а значит, к литературе, – сказал Святослав Николаевич.

Глеб вспомнил, что однажды ходил с дедушкой в магазин. До звонка оставалось еще минут десять.

– А что вы там покупали? – закричал я. – Это так показательно!

Глеб продолжал воспоминания...

В следующий раз мы с ребятами сами стали просить на уроке литературы:

– Пусть Глеб вспомнит еще что-нибудь. Пусть он расскажет!..

– Возникает живое общение с писательским образом! – сказал Святослав Николаевич.

Глеб вспоминал одну историю за другой. В его груди продолжало биться честное, благородное сердце, готовое прийти на помощь товарищам.

Ценность творчества Гл. Бородаева возрастала в наших глазах с каждым часом!..

Глава III, в которой мы делаем еще несколько шагов навстречу страшной истории

Все, о чем вы прочитали в первых двух главах, было моим далеким воспоминанием: это случилось в прошлом году.

А в этом году Святослав Николаевич нас покинул. Раньше, когда мы делали что-нибудь не так, как ему бы хотелось, Святослав Николаевич предупреждал:

– Я сбегу на пенсию, если вы решительно не изменитесь!

А прощаясь с нами, он был не в силах сдержать волнение. Слезы душили его и чуть было не задушили совсем. Миронова подняла руку и спросила:

– Вам плохо?

– Нет, мне хорошо! – ответил Святослав Николаевич. – Хорошо оттого, что я осознал чувства, которые испытываю к вам. Я знал вас всего год, но не забуду никогда... Никогда! Говорят, первая любовь – самая сильная, а я думаю, что последняя!..

Мы были его последней любовью! Чувство законной гордости возникло в наших сердцах.

Вместо Святослава Николаевича к нам пришла Нинель Федоровна.

Это было стройное существо лет двадцати пяти. Может быть, об учительнице так говорить нельзя? Но она была совсем не похожа на учительницу. И когда шла на перемене по коридору, ее вполне можно было принять за ученицу десятого или даже девятого класса. Выражение лица у нее было такое, что казалось, она вот-вот расхохочется. Я никогда не встречал на лицах учителей такого странного выражения. За глаза ее никто не называл по имени-отчеству, а все стали звать просто и коротко: Нинель.

Когда Нинель Федоровна пришла к нам в первый раз, она сразу обратила внимание на стенд, который был между подоконником и классной доской. Увидела огромную фотографию и спросила:

– А кто это такой, Гл. Бородаев?

Мы просто похолодели и приросли к своим партам. Только Миронова не растерялась. Она любила подсказывать учителям. И тут тоже подняла руку, встала и объяснила:

– Бородаев – наш знатный земляк. Он творил во второй четверти этого века.

– А что он творил? – спросила Нинель Федоровна.

– Разные произведения, – ответила Миронова. – У нас есть литературный кружок его имени.

– Имени Бородаева? – Нинель Федоровна рассмеялась. Она была из другого города, до которого слава нашего знатного земляка пока еще не докатилась.

Миронова подняла руку и объяснила:

– У нас в классе учится внук писателя Бородаева. Он сидит на самой последней парте в среднем ряду. Он почетный член нашего литкружка.

– Почетный? Зачем такой громкий титул?

Нинель Федоровна заглянула в журнал.

– Пусть Глеб меня извинит. Я не читала книг его дедушки. Это моя вина. Когда выставка закроется, – она указала на стенд, – тогда я возьму все эти книги и прочитаю. Так что ты, Глеб, меня извини.

Мы еще сильнее похолодели. Во-первых, ни одна учительница никогда не просила у нас прощения. А во-вторых, она собиралась закрыть «Уголок Бородаева»...

Мне стало тоскливо: «Неужели старшеклассники не будут больше забегать к нам? И никто больше не скажет: «В этом классе умеют читать... В этом классе любят литературу!» Мы

станем самым обыкновенным классом. Как все... Неужели?» Другие ребята тоже затосковали. Я чувствовал это: все словно замерли, даже тетрадки не шелестели.

Миронова снова подняла руку:

– А мы готовим специальное собрание кружка, посвященное творчеству знатного земляка...

Она очень хотела помочь новой учительнице поскорей во всем разобраться.

– В какой четверти нашего века творил Бородаев? – переспросила Нинель Федоровна.

Миронова взметнула вверх руку и выпалила:

– Во второй!

Она любила подсказывать учителям.

– А мы давайте начнем с первой четверти прошлого века, – предложила Нинель Федоровна. – С Пушкина, например... Потом пойдем дальше. И так постепенно доберемся до Бородаева.

– У нашего кружка творческая направленность, – сказал Покойник. – Мы сами сочиняем.

– Я тоже пишу стихи, – сообщила Нинель Федоровна. – Когда-нибудь вам почитаю. Если наберусь храбрости. Что вам еще хочется узнать обо мне? Я не замужем. Играю в теннис. Учителя никогда не рассказывают о своей личной жизни. А узнать интересно! Это я по себе знаю. Помню...

Она начинала мне нравиться. Опытный глаз мог почти безошибочно определить, что и другие ребята ожили: они задвигались, зашевелились.

– В этом городе, – сказала она, – у меня нет ни родственников, ни знакомых, ни близких. Теперь вот вы будете... Если получится...

Раньше, когда раздавался звонок, все сразу выскакивали из класса. А тут стали медленно подниматься, будто отяжелели от разных дум и сомнений.

Я подошел к Нинель Федоровне и сказал:

– Знаете, у Бородаева есть повесть «Тайна старой дачи»... Потрясающий детектив! Весь наш кружок хотел съездить на эту дачу. Походить по местам событий... Это недалеко: всего час, если на электричке.

– Он писал детективы? – шепотом спросила Нинель Федоровна. И кивнула на фотографию Бородаева.

– А вы любите их? – воскликнул я с плохо скрываемым волнением.

– Все любят. Только некоторые не признаются. Стесняются!..

«У нас полное родство душ! – подумал я. – Она угадывает мои мысли!..»

Ребята начали выходить в коридор. Только Глеб остался сидеть на своем месте, пригнувшись к парте. Рядом стоял Принц Датский.

Нинель Федоровна подошла к ним. И я подошел.

– Мы решили поехать на старую дачу, – сказала она. – В одно из ближайших воскресений. Пока еще осень... Ты, Глеб, будешь нашим проводником?

– Я, пожалуйста... Если, конечно, вы... А я с удовольствием... – Он опять перестал договаривать фразы.

Когда Нинель Федоровна отошла. Принц Датский пообещал Глебу:

– Я напишу к этому дню стихотворение! Может, тебе будет приятно?..

И погладил Глеба по голове. Острая наблюдательность давно подсказала мне, что физическая сила сочеталась в Принце с детской застенчивостью и добротой.

В коридоре меня остановила Наташа Кулагина. Это случилось так редко, что я буквально затрепетал.

– На твоём месте я бы в нее влюбилась, – сказала Наташа. И так пристально посмотрела, что внезапная догадка озарила меня: «Испытывает! Ревнует!..» О, как часто мы выдаем желаемое за действительное!

– Влюбиться? – громко переспросил я. – Ну, что ты? Какие для этого основания?..
– Значит, у тебя нет вкуса. Она прелестна!

«Неужели и правда хочет, чтоб я влюбился? Неужели ей все равно?» С этой тягостной мыслью я слонялся по коридору всю перемену.

Примерно через неделю Нинель Федоровна сказала:

– Я готовлюсь к теннисным соревнованиям. На первенство города... Кто хочет, может прийти на тренировку. Я вас там встречу, на стадионе. Правда, это на краю города. Но вы доберетесь: троллейбус, потом трамвай. Знаете?

Приехали почти все. Она бегала по корту в белой майке и в белых трусах.

Не многие классные руководители решились бы бегать перед своими учениками в таком виде. А она решилась. Потому что она была молода и прелестна!

Все мы, выражая чувства, охватившие нас, орали: «Нинель Федоровна! Нинель Федоровна!..»

– Никогда еще не слышал, чтобы болельщики называли своих кумиров по имени-отчеству, – сказал пожилой человек в шляпе, который сидел впереди меня.

Через несколько дней созвали родительское собрание. Мама и папа были в тот вечер заняты. Пошел мой старший брат Костя. Он уже не первый раз ходил на такие собрания.

Я не ложился спать, пока не дождался Костю: он всегда подробно пересказывал мне, что говорили родители, а что учителя. Это было так интересно!

Когда Костя вернулся, мама с папой были уже дома.

– Ну что?! – набросился я на брата.

– Защищал вашу Нинель!

– На нее нападали?

– Еще как!

– Кто посмел?

– Ваши родители... Не все, конечно. Но некоторые.

– Что они говорили?

– Во-первых, она отобрала у вашего класса его лицо, его индивидуальность. Во-вторых...

– Во-вторых, ему давно уже пора спать! – сказал папа. Он считал, что нельзя в моем присутствии подрывать авторитет взрослых, особенно же учителей.

Костя махнул рукой.

– В общем, я ее защищал.

– Она ведь тебе понравилась? – спросил папа, тоном своим как бы подсказывая брату ответ. – Ведь понравилась?

– Да, очень хорошенькая! – ответил Костя.

Острая наблюдательность давно подсказала мне, что люди в трудную минуту хватаются за то, что у них болит: кто за голову, кто за сердце. Папа схватился за бок.

– А что такое? – спросил Костя. И пошел спать.

Глава IV, в которой мы отправляемся на старую дачу

На следующий день опытный глаз мог почти безошибочно определить: никто в классе, кроме меня, не знал о том, что на собрании ругали Нинель.

«Все-таки лучше, когда на родительское собрание ходят не родители, а братья, – думал я. – Если бы папа не остановил Костю, я узнал бы все до конца!» Утром я поймал брата в ванной:

– Скажи, за что они набросились на нее?

– Пожалуй, старик прав: ты разболтаешь об этом в классе. А она такая хорошенькая! Хорошая, я хотел сказать...

– Никто не узнает! Никто!..

– Знаю тебя!

Костя полез под душ...

Перед уроками ко мне подошла Наташа Кулагина. «На этой неделе она подходит уже не первый раз! – подумал я с плохо скрываемой радостью. – Это, значит, уже не случайность!..» О, как часто мы выдаем желаемое за действительное!

– Мама вчера не была на собрании, – сказала Наташа. – Интересно узнать, о чем там говорили.

Ее желание было для меня законом! И я сказал:

– Там ругали Нинель.

– Кто ругал?

– Родители. Не все, конечно. Но некоторые...

Губы ее задрожали. Наташа сказала громко и возмущенно:

– А другие молчали?

– Мой брат не молчал! Он бросился на защиту Нинель. Она ему нравится.

– Значит, у него вкус лучше, чем у тебя. О, если бы в эту минуту она могла взглянуть в зеркало, она бы поняла, какой у меня замечательный вкус!

– Мама больна... – сказала Наташа. – Она бы сумела им объяснить.

– Чем больна твоя мать?! – воскликнул я. – Может быть, надо помочь? Прикажи мне, скажи одно слово, и я сделаю все.

Наташа взглянула на меня с испугом. И даже отступила на шаг.

– Ты сам-то здоров?

– О, не смейся! – воскликнул я с плохо скрываемой горечью и обидой. – Может быть, надо достать лекарство? Моя тетя работает в аптеке и всегда достает...

– Маме прописано только одно лекарство: не волноваться, полный покой! Это лекарство твоя тетя достать не сможет. Его в нашем веке просто не вырабатывают.

Я подумал, что эту мысль она непременно должна записать в тетрадку!

«Какой наша Нинель сегодня придет в класс? – размышлял я. – Наверно, никому уже не будет казаться, что она вот-вот расхохочется. Она будет взволнована. Что нам тогда делать? Успокаивать ее? Нет, нельзя. А может быть, она будет так спокойна, как никогда!..» Нинель Федоровна была абсолютно такой же, как раньше.

– Мы с вами должны будем посоветоваться. Как-нибудь после... – сказала она. – Может быть, в чем-то я была неправа. Кстати, и о старой даче пора уже вспомнить. Я вам обещала. Подышим, погуляем в осеннем лесу. Глеб будет нашим проводником.

«Мы поедem на старую дачу! Походим по комнатам, которые описаны в повести... Я увижу стол, за которым работал Гл. Бородаев. Это так интересно; ведь мы с ним, можно сказать,

коллеги!» – так я мысленно ликовал, не подозревая в те радостные минуты, что страшная история была совсем близко, почти рядом...

«Уголка Бородаева» в нашем классе уже не было. На стенде, который притащил Принц Датский, была устроена выставка, посвященная Пушкину; мы как раз проходили его стихи. Верней, изучали... Нинель говорит, что «проходить» можно только мимо чего-нибудь.

Глеб принес мне из дому повесть Гл. Бородаева. И я прочитал ее еще раз. А полстраницы прямо-таки выучил наизусть:

«Никто не знал его имени, ни тем более отчества и фамилии. Все звали его просто Дачником. Это прозвище как нельзя лучше соответствовало его положению в ту зиму; он снял угловую комнату на втором этаже старой дачи, выходящую единственным окном своим прямо в сад. Дачник почти никогда не покидал эту комнату.

А природа между тем жила своей особой, но прекрасной жизнью! Сперва она явно заигрывала с Дачником: кокетничала ослепительными лучами, забиралась к нему в комнату студеным ветром, постукивала по стеклу обнаженными ветками... Но он не обращал на нее внимания, и она обозлилась: задула, засвистела, заулюлюкала... Обозлились и соседи по даче: он не пытался развлечь их разговором в монотонные зимние дни. Никто не видел, что он ест, что он пьет. Перед сном он прогуливался минут пятнадцать, не более.

Последний раз в жизни он прогулялся в канун Нового года. Слышали, как в полночь он поднялся в комнату по ворчливо-скрипучей лестнице. А утром его не стало...

Дверь, выходящая прямо на лестницу, была заперта изнутри. Окно, выходящее прямо в сад, было закрыто. На снегу – никаких следов. Дачник исчез».

Так начиналась повесть. Потом, как я уже говорил, на протяжении трехсот двадцати трех с половиной страниц Дачника искали следователи, собаки и родственники, которых у него оказалось ужасно много. От них-то он, как выяснилось, и скрывался на даче: они мешали ему что-то изобрести... «Он искал покоя, – было сказано в повести, – но не того, который нашел. Хотя... До сих пор ничего не известно... Поиски продолжаются...»

– Дедушка хотел дальше... Продолжение... Но он... Понимаешь? – объяснил мне Глеб.

И вот мы должны были отправиться на место загадочного происшествия! Да, все, о чем рассказывалось в повести, оказывается, не было вымыслом, а случилось на самом деле. Об этом сообщил мне в то самое воскресное утро внук писателя. Он скрывал это раньше: думал, что мы побоимся ехать прямо на место совершенного преступления.

– Ты-то, я знал, что нет... – сказал Глеб. – Ты Детектив! А другие?..

– Другим – ни слова! – сказал я.

Потом Глеб сообщил мне другую новость, и она повергла меня во временное смятение: Нинель Федоровна заболела.

– Ясно: нервное потрясение, – сказал я. – Довели!

– Не-ет, – стал объяснять Глеб. – Ей комнату в новом доме... Переезжала... И вот! Простуда...

Мы разговаривали в школьной канцелярии, где все члены литературного кружка договорились собраться.

– С остальными я поеду за город в другой раз: зимою, на лыжах, – пообещала накануне Нинель. – Всем сразу на дачу являться неловко: все-таки там не музей. Там же люди живут...

Я пришел минут за тридцать до срока: мне не терпелось. А Глеб еще раньше.

– Дежурная передала... Еще вчера вечером... Я заходил... – пояснил Глеб. – Нинель Федоровна ей... По телефону...

– А почему ты вчера же не сообщил нам? Или хотя бы мне одному?

– Боялся, что вы того... Не поедете... Может, мы сами? Без нее? А?.. Как ты считаешь? Или нет?.. Там можно дорасследовать... Раскрыть... Понимаешь? Ты ведь у нас Детектив!

Я погрузился в раздумье. И в этом состоянии находился довольно долго. До тех пор, пока не показались Наташа Кулагина, Принц Датский с Покойником и Миронова.

Принц Датский прямо с порога сообщил:

– Сегодня утром пришли на ум кое-какие строчки. Может, вам будет приятно?

Он протянул тетрадный лист Покойнику. Принц никогда не читал своих стихов сам: он стеснялся. Покойник громко, нараспев, подражая настоящим поэтам, продекламировал:

Этот день для нас так много значит:
Мы давно стремились к старой даче!
И хотя закрыли тучи небо,
Едем мы под руководством Глеба!
Сквозь дождя и ветра кутерьму
Он везет нас к деду своему!..

Добрый Принц учел, что уже давно никто не просил Глеба вспоминать истории из жизни его дедушки, читать письма. Давно уже никто не разглядывал фотографии из семейного архива Бородаевых.

Прослушав стихи, Глеб как-то приосанился, лицо его просветлело. Опытный глаз мог почти безошибочно определить, что Глеб вспомнил о тех днях, когда им интересовалась вся школа.

Добрый Принц призвал его руководить нами, и Глеб сразу заговорил громче и уверенней, чем обычно.

– Неизвестно, поедем ли мы, – сказал он. – Нинель Федоровна заболела.

– Чем? – спросила Наташа Кулагина.

– Переезжала в новый дом... И вот... Простудилась, – пояснил Глеб.

– Может быть, надо помочь?

– «Где эта улица? Где этот дом?..» – лениво пропел Покойник.

– Адрес?.. Его, наверное, никто... – сказал Глеб. И твердо добавил: – ...не знает!

Он старался дотягивать фразы до конца: ведь Принц назвал его нашим руководителем.

– Поедем на дачу сами! – твердо сказал я, обращаясь сразу ко всем.

Пока не было Наташи Кулагиной, меня полчаса терзали сомнения. Но как только она появилась, решимость немедленно овладела мною: «Не ехать нельзя! Когда я еще смогу быть целый день рядом с нею? Сама судьба буквально подсовывает мне этот счастливый случай! Смею ли я отказаться? А вдруг я в ее присутствии и правда что-нибудь дорасследую, распутая что-нибудь такое, чего не дораспутали следователи и родственники? Она поймет, что я ношу свое прозвище не из-за синего мешка с галошами, а по более серьезным причинам. И наконец-то оценит...»

– Люблю грозу в начале мая! – сказал Покойник. – Но в двадцатых числах сентября...

Вялым жестом он указал на окно.

– И еще неизвестно, как Нинель Федоровна отнесется, – сказала Миронова. – Она хотела сама лично погулять с нами по лесу. Подышать!

– Нас там очень... Я вчера вечером по телефону, по междугородному... – сказал Глеб. И решительно дотянул; – ...предупредил, что мы сегодня приедем.

– Да-а, ехать или не ехать – вот в чем вопрос! – воскликнул Принц Датский.

Тут раздался телефонный звонок.

Глеб все еще чувствовал себя нашим руководителем и поэтому схватил трубку.

– Да! Кто? Это вы, Нинель Федоровна?.. – Нежная, бархатная кожа его лица покрылась румянцем. – Да... Мы все... Вот не знаем, ехать ли... – И он решительно дотянул: – ...или без вас не ездить?

Внезапно глаза Глеба вспыхнули невыносимой радостью. Острая наблюдательность подсказала мне, что Нинель говорит ему что-то приятное.

– Ага, понимаю... Хорошо, мы поедем. Раз вы разрешаете... Передать трубку Алику?

Я выхватил трубку. Она была слегка сыроватой – так Глеб волновался.

– Слушаю вас, Нинель Федоровна! Ах, ангина? Ладно, я помогу Глебу. Обещаю вам! Спасибо, что доверяете!

Мне хотелось, чтобы Наташа Кулагина по ответам моим поняла: Нинель Федоровна именно меня попросила помочь Глебу, именно мне сказала, что доверяет. Чувство законной гордости переполнило мое сердце.

– Какая у вас температура? – крикнул я весело: у меня было отличное настроение. Но сразу же спохватился и с тревогой добавил: – Надеюсь, что невысокая?

– Тридцать восемь и пять, – сказала она. И повесила трубку.

– Мы должны оправдать доверие, – сказал Глеб четко и громко.

– Да? Ты считаешь? – промямлил Покойник.

– Теперь уже надо ехать, – сказала Миронова. – Раз она сама позвонила!..

– Слушайте все внимательно! – скомандовал Глеб. – Электричка уходит в девять пятнадцать. Все за мной, чтобы не потеряться. Не отставайте! Куда я, туда вы!..

– Ты сказала как-то, что слава излечивает от робости и застенчивости, – прошептал я Наташе уже в вестибюле. – Верная мысль! Глеб опять излечился!..

– Очень жалко, – сказала Наташа.

Мы вышли на улицу.

А природа между тем жила своей особой, но прекрасной жизнью...

Погода была отличная! Лил дождь, ветер хлестал в лицо, земля размокла и хлюпала под ногами... «Это создаст нужное настроение, – думал я. – Ведь мы едем не развлекаться, а на место таинственного преступления!»

– Пушкин любил осень, – сказал промокший Покойник. – Спрашивается: за что?..

Глава V, которая подводит нас буквально к самому порогу страшной истории

Пока мы ехали на электричке, погода испортилась. Выглянуло солнце. Природа явно заигрывала с нами: она кокетничала осенними лучами, забиралась к нам под пальто прохладным ветерком, махала нам обнаженными ветками... Разве можно в такую погоду как следует настроиться на мысль о преступлении?!

Но я все же настроился... Накануне я услышал по радио, что, оказывается, когда композитор Бородин умер, его друзья закончили за него оперу «Князь Игорь».

Это было для меня абсолютным открытием! Оно натолкнуло меня на идею. И даже на несколько идей сразу... Может быть, мне удастся закончить повесть Гл. Бородаева? Вдруг я сумею разгадать тайну, куда девался тот человек? И напишу вторую часть «Старой дачи». Я прочту ее на литературном кружке. И Наташа Кулагина запишет в свою тетрадку какую-нибудь замечательную новую мысль. «Конечно, его нельзя сравнить ни с Покойником, – напишет она, – ни даже с Принцем. И вообще ни с кем!...» Я не знал, не мог даже предположить, что в тот день, в то самое обычное воскресенье... Но не буду забегать вперед, хотя мне очень хочется забежать.

Бледный Покойник ожил под солнечными лучами и произнес:

– «Да здравствует солнце!» – сказал как-то Пушкин. И в этом я с ним согласен.

Когда мы сошли с поезда на дощатую платформу маленькой дачной станции, Наташа стала оглядываться.

– Кого ты ищешь? – спросил я с тревогой.

– Вон расписание... Я должна вернуться к шести или семи часам. Не позднее! Чтобы мама не волновалась.

– Она все еще не встает?

– Нет, – сказала Наташа. – Сердце...

Я бросился к расписанию. Мне казалось, что кто-то хочет меня обогнать. Так всегда бывает, всегда: если какое-нибудь существо становится небезразличным, думаешь, что оно нравится всем вокруг и все испытывают же чувства, что ты. Эта мысль не дает покоя!

– Есть электричка в семнадцать ноль-ноль! – доложил я. – А потом в двадцать десять.

– Нам надо в семнадцать! Мы успеем?

«Нам... мы...» Я готов был слушать эти слова бесконечно!

– Идемте! – скомандовал Глеб.

От станции шли минут сорок, не более. Но и не менее, потому что я следил по часам. Специально взял у Кости часы, будто заранее знал, что они в этот день... Нет, забегать я не буду. Не буду!

– За мной! За мной! – командовал Глеб. Ему нравилось быть начальником. – Только не отставать!

Я его просто не узнавал.

Судьбе было угодно, чтобы дорога к даче была очень запутанной. Это мне нравилось: мы двигались, словно по лабиринту, – то сворачивали в лес, то шли между дачными заборами, то петляли вокруг каких-то сараев, то опять углублялись в лес... Казалось, удирая от кого-то, мы старались запутать следы.

Я подумал, что без Глеба нам ни за что не добраться обратно на станцию.

– За мной! За мной!.. – поторапливал Глеб. И вновь куда-то сворачивал.

Наконец он остановился. И мы тоже.

– Пришли! – сказал Глеб.

Я взглянул – и увидел ее. Она выходила одной стороной прямо на дорогу, а другой – прямо в лес. Меня сразу поразило то, что старая дача вовсе не была старой.

– Ее покрасили, что ли? – спросил я у Глеба.

– Нет, она всегда такая была.

– «Тайна старой дачи» – это звучит? – спросил у меня Покойник.

– Звучит.

– А «Тайна новой дачи»?

– Не очень.

– Теперь понял? Знаешь, что такое авторский домysel?

Принц Датский смотрел на Покойника с уважением. А я лично терпеть не мог, когда Покойник начинал изъясняться вопросами, будто устраивал кому-то экзамен.

– Почему не видно доски? – сказал он.

– Какой? – спросил Глеб.

– Мемориальной, конечно! «Здесь жил и умер...»

– А он не здесь...

– Тогда по-другому: «Здесь жил и не умер писатель Гл. Бородаев»!

«Может, Покойник все-таки хочет поставить над своим очередным стихотворением буквы «Н. К.»? – подумал я. – Чего он вдруг в Наташином присутствии так старается?» Принц Датский продолжал смотреть на него с уважением.

Я решил немедленно перехватить инициативу.

– Больше я не могу молчать. Вы должны узнать кое-что важное, – сказал я. – То, что написано в повести Гл. Бородаева, – это не авторский домysel. Здесь, на этой вот даче, исчез человек... Как будто его и не было! Мы с вами пойдем не по следам повести, а по следам преступления...

Покойник притих.

– На даче кто-нибудь есть? – спросил я у Глеба.

– Дачники все уехали.

– До одного?.. – прошептал Покойник.

– Ну да, это же видно! – бодро ответил я. – В поселке сейчас ни души. Кричи не кричи, никто не услышит.

– А зачем нам кричать? – спросила Наташа.

– О, не бойся! – воскликнул я. – Конечно, всякое может случиться. Но я... то есть мы тут, рядом. Все-таки исчез человек...

«Если бы мне представился случай от чего-нибудь ее защитить!» – подумал я в ту минуту.

Миронова подняла руку.

– Нинель Федоровна сказала: «Подышим, погуляем в осеннем лесу!»

Острая наблюдательность подсказала мне, что Миронова не боится: она просто и на расстоянии подчинялась классной руководительнице. Такой у нее был характер.

– Сначала подышим воздухом, которым дышал Гл. Бородаев! – ответил я ей.

– А как мы туда попадем, в эту дачу? – спокойно спросил Принц Датский.

– Дверь открыта, – сказал Глеб. – Я же предупредил, что мы будем. Вчера по междугородной...

– Пошли! – крикнул я. – Не бойтесь!

И первым вошел в дачу.

Там было тихо. Только сверху раздавалось какое-то бормотание. Все застыли.

Я тоже вздрогнул... Но даже опытный глаз не смог бы этого определить: вздрогнул внутренне, про себя.

– Это племянник хозяйки, Григорий, – сообщил Глеб почему-то не сразу. – Он сторожит все дачи в поселке. Он ждет нас... И все нам расскажет.

«Та самая лестница! – подумал я. – «Ворчливо-скрипучая», как написано в повести. По ней в новогоднюю ночь шел Дачник после своей последней прогулки. Больше он не гулял!..» Мы стали подниматься по «ворчливо-скрипучей» лестнице. Она не скрипела.

«Понятно: авторский домысел!» – сказал я себе.

Сверху, из комнаты, стали ясно доноситься слова:

– Вы так?.. А мы – вас – бац по загривку! Вы все-таки трепыхаетесь? А мы вас по шее – трах!..

Покойник остановился. За ним и все остальные. Сверху несло:

– Ах, вы еще живы? Тогда получите! И еще, и еще, и еще!..

– Что там происходит? – спросил Покойник.

– Может быть, надо помочь? – воскликнул я. Бросил прощальный взгляд на Наташу и кинулся наверх.

Дверь угловой комнаты была приоткрыта. Племянник Григорий играл сам с собой в «дурачка». Он «ходил» и за себя и за противника, которого не было.

– Ах, вы еще дышите? Вот вам! Вот вам еще!

Он стал подкидывать королей.

– Сюда! Смелее сюда! – крикнул я, словно взобрался на вершину горы, а остальные были еще где-то на склоне. Миронова зашагала: она подчинялась командам. Глеб тоже взбежал наверх. Поднялась и Наташа. Принц Датский прикрывал собою Покойника.

Племянник Григорий повернул голову к нам и погасил папиросу прямо об стол, на котором лежали карты.

Это было огромное существо лет двадцати пяти, не более.

– Он вырос на глазах у дедушки, – сказал Глеб.

Я часто стараюсь представить себе взрослых людей детьми, которыми они были когда-то... Григория я почему-то представить себе ребенком не смог. Острая наблюдательность давно подсказала мне, что почти в каждом человеке на всю жизнь остается что-нибудь детское: или взгляд, или смех, или какой-нибудь жест. У Григория ничего детского не осталось... И я не мог вообразить себе, как Гл. Бородаев таскал его на руках.

Я уже говорил, что прозвища стали у нас в школе «повальным бедствием»: почти никого не называли по имени. Я до того привык к этому, что, знакомясь с каким-нибудь человеком, сразу же мысленно давал ему прозвище. Григория я стал про себя называть Племянником. Очень как-то не подходило к нему это милое семейное слово, вот я его и прозвал: мы часто давали прозвища как бы в насмешку. Низкорослому кричали: «Эй, Паганель!», а длинному: «Пригнись, Лилипутик!» Племянник поднялся со стула.

Можно было подумать, что ему от рождения досталась не своя голова: она была очень маленькой. И на лице было так мало места, что на нем не умещалось ничего, кроме усмешки. Усмехался Племянник все время.

– Ну, чего вам показывать?

– Нам все интересно! – сказала Миронова.

– В этой комнате тот самый чудак жил, который пропал. Залез сюда под Новый год – и баста. Провалился, как будто мать родная не родила. Соображаете?

Миронова сразу стала записывать. Она на всяких докладах, лекциях или творческих встречах записывала буквально каждое слово. Скажет докладчик: «Здравствуйте!» – она начинает писать. Скажет он: «До свидания!» – она тоже запишет и захлопнет тетрадь.

«Туго, как струны, натянутые провода чуть не касались окна его комнаты...» – вспомнил я строки из повести. Провода в самом деле «чуть не касались».

Тут не было домысла.

«Пора уже наконец по-настоящему оправдать свое прозвище!» – решил я. И произнес:
– Мне помнится, в повести сказано: «В полночь на даче потух свет. Утонул во тьме и весь дачный поселок...»

– Слушай, парнек, ты не выскакивай!.. – Племянник отмахнулся, будто на том месте, где я стоял, вдруг зажужжал комар. В слове «парнек» он почему-то пропустил первое «е».

Я очень любил, чтобы на меня при Наташе Кулагиной поглядывали девчонки и чтобы она это замечала. Я был счастлив, если при ней ко мне обращались за помощью, просили что-нибудь объяснить: задачку или там теорему... Но когда при ней ко мне относились пренебрежительно, я ужасно страдал.

– Понимаете, – стал я объяснять сразу всем, – напрашивается такая догадка: раз электричества не было, Дачник мог вылезти через окно, схватиться за провода (они были в тот миг безопасны!), потом мог долезть, цепляясь за них, как циркач, до первого столба, а потом спуститься на землю. И навсегда скрыться от родственников! Поэтому и следов на дачном участке не было. Это, как говорят, гипотеза... То есть предположение.

– Окно было заперто изнутри, – сказал Глеб.

– Тогда гипотеза отпадает!

– Если ты, парнек... – угрожающе начал Племянник. Слово «парнек» он упорно сокращал на одно «е», и слово звучало пренебрежительно. Сердце мое сжалось от боли: ведь рядом была Наташа.

– Гипотеза отпадает! – громко повторил я, трепеща всем телом при мысли о том, что он совсем уж унизит меня при ней. И я не смогу потребовать удовлетворения: все-таки он был в два раза длинней меня.

Он снова махнул ручищей, словно прогнал комара. Но все-таки оскорбительные слова не слетели с его насмешливых губ.

Мы спустились по «ворчливо-скрипучей» лестнице, которая не скрипела.

Племянник распахнул какую-то дверь, пригнулся и вошел в комнату. Мы тоже вошли. Комната переходила прямо в террасу, а терраса выходила прямо во двор.

– Хороший был писатель, – сказал Племянник. – Он у тетки дачу сразу на полгода, а то и на год снимал. И деньги вперед платил. Хороший писатель!

– В этой комнате он создавал «Старую дачу»? – спросил я.

– Слушай, парнек, если ты будешь выскакивать... Если ты будешь...

– Понятно! Понятно! – перебил я. – Я нарушаю ваш план? Это, поверьте, от нетерпения! Опять он не успел унизить меня при ней.

– Писатель здесь не писал, – сообщил нам Племянник. – Он про Дачника в подвале писал.

В подzemелье...

Миронова продолжала записывать.

– Здесь есть подземелье? – шепотом спросил я.

– Он утром залезет туда – и баста. До обеда не видно, будто мать родная не родила...

Соображаете?

– Философ Диоген сочинял в бочке, – лениво изрек Покойник. – А этот, значит, в подвале?

– Он там страху на себя нагонял, – объяснил нам Племянник. – Там сыро, темно...

– Понимаю: входил в настроение! – продолжал хвастаться Покойник.

Племянник Григорий почему-то не крикнул ему: «Слушай, парнек!..» – а рассказывал дальше:

– Я там бумажки какие-то нашел, листочки... Хотел выбросить, а тетка говорит: «Снесика в музей!» Я и снес. Есть у нас музей на соседней станции.

– Видимо, краеведческий, – высказал предположение Покойник.

Племянник и тут не цыкнул на него, а спокойно сказал:

– Ага, этот самый. Мне благодарность в письменном виде выдали! Бумажки эти под стеклом разложили и написали: «Найдены и доставлены Григорием Шавкиным». Теперь все читают. Экскурсантам про меня рассказывают... Соображаете?

– Еще бы: рукописи, черновики! – снова вмешался Покойник.

– Они самые! – согласился Племянник.

Я давно заметил, что личности вроде Племянника обычно выбирают одного какого-нибудь человека и начинают к нему придирааться: «Ну, чего смотришь? Чего уставился? Чего тут стоишь? Чего тут сидишь?» Хотя все остальные тоже смотрят, тоже стоят и тоже сидят. Но типы вроде Племянника выбирают кого-нибудь одного и, как правило, самого симпатичного, самого интеллигентного человека. Племянник выбрал меня...

– Слушай, парнек, чего в пол уставился? Слушать не хочешь?

– Он, вероятно, задумался, – сказал Покойник. Все посмотрели на него с благодарностью: он вроде бы меня защитил. Это было невыносимо!

– Скорее туда! – крикнул я. – В подzemелье!.. К рабочему месту писателя!

– Если не дрейфите, то айда! – сказал Племянник. Это мое предложение его почему-то не разозлило. Позже я узнал почему. Но в ту минуту... В ту минуту догадка не захотела меня озарить, хотя вообще она делала это очень охотно.

Бледный Покойник топтался на месте.

– Боишься? – спросил я шепотом, но так, чтобы услышала Наташа Кулагина. Я должен был раскрыть ей глаза!

Мы стали спускаться по ступеням, на которых скользила нога: может быть, это была сырость, а может быть, даже плесень... Радостное волнение охватило меня; по таким вот ступеням спускались в подzemелья настоящие сыщики. Они спускались, зная, что могут уже никогда не подняться!..

«О, если бы нас поджидала там какая-нибудь опасность! – мечтал я. – Наташа бы в страхе бросилась не к Покойнику, а ко мне, и я бы нашел выход из положения. Я спас бы ее! Но, к несчастью... Раз туда каждый день залезал Гл. Бородаев, значит, ничего опасного там быть не может. И я не смогу доказать ей...»

– Эй, парнек, опять ты того... поперек батьки в подвал лезешь! Я свет зажгу.

Он повернул выключатель. И сквозь приоткрытую дверь, обитую, как и полагается, ржавым железом, выползла полоска тусклого света. В повести Гл. Бородаева свет всегда «выползал» из приоткрытых дверей или «мрачно выхватывал» что-то из темноты, а потом, когда двери закрывались, он «уползал» обратно. Это я хорошо помнил.

Племянник с трудом раскрыл дверь до конца. Она завизжала на плохо смазанных петлях. В повести у Гл. Бородаева все дверные петли были обязательно плохо смазаны и визжали. Это я тоже помнил.

Итак, все было прекрасно, как в самых настоящих детективных произведениях!

– Валяйте! – сказал Племянник.

Миронова опередила всех: она любила выполнять приказания. Племянник пропустил нас в подвал. Последним вошел Покойник... На меня приятно пахло гнилью и плесенью. Я вдыхал полной грудью!

Внезапно дверь с визгом захлопнулась. Потом железо проехало по железу – это Племянник задвинул щеколду. Он остался по ту сторону двери, которая, как мне показалось, захлопнулась навсегда!..

Глава VI, из которой становится ясно, что мне ничего не ясно

Невольный страх овладел мною. Но лишь на мгновение. А уже в следующую секунду я отбросил его. Верней сказать, отшвырнул.

Тем более, что Наташа сделала шаг по направлению ко мне. Совсем незаметный шаг, но я-то его заметил. Точнее сказать, почувствовал. Вообще, когда есть существо, которое тебе нравится, следишь только за ним и говоришь для него, хотя делаешь вид, что для всех. И наблюдаешь, как оно на все реагирует. И подсчитываешь, сколько раз это существо на тебя посмотрело.

Тот, кто любил, поймет меня без труда!

«В эту опасную минуту она хочет быть рядом со мной! – решил я. – Хочет, чтоб я уберег ее, заслонил собой!» О, как часто мы выдаем желаемое за действительное!..

– Я должна уехать электричкой, которая в семнадцать ноль-ноль, – сказала Наташа.

«Должна уехать...» Даже не сказала, что «мы должны».

«Волнуется за свою маму», – подумал я. И вот удивительно: в ту минуту я позавидовал ее маме, хоть у нее было очень больное сердце, а у меня сердце было абсолютно здоровое, и, если как следует рассудить, ее мама должна была бы завидовать мне. Но я не подчинялся рассудку!

– Племянник Григорий шутит, – сказал я Наташе. – Неужели ты не видишь, что он пошутил?..

– Тогда пусть откроет, – сказала Наташа. Ее желание было для меня законом!

Но для Племянника оно законом не было.

– Откройте, пожалуйста, – попросил я его.

– Это ты, парнек? – послышалось из-за двери. – Опять тебе больше всех надо? Все сидят тихо, будто мать родная не родила... А ты один ерепенишься!

Он тихо и противно засмеялся.

– Откройте сейчас же! – приказал я ему. И посмотрел на Наташу.

Она стояла, опустив голову. Лица ее я не видел, потому что тусклая лампочка, которую зажег Племянник, была где-то далеко, в глубине подземелья.

– Ты же хотел узнать, куда тот Дачник девался? – спросил Племянник. – Вот теперь и узнаешь!

– Что он хочет сказать? – Я толкнул Глеба в плечо.

– Не знаю, – ответил Глеб.

И вдруг мы услышали за дверью шаги: Племянник поднимался наверх. Он уходил, оставляя нас в подземелье. Страшная история началась!

– Остановитесь! – умоляюще воскликнул Покойник. Громкие шаги Племянника были ему ответом. Я снова схватил за плечо Глеба.

– Верни! Задержи!..

– Разве его удержишь?

– Кричи! – шепотом, чтобы не выдать внутреннего волнения, сказал я Глебу. – Ори на всю дачу!

– Не услышит... Он ведь уже наверх... Там ни слова... Дверь-то железная... Кричи не кричи...

– А ключа у тебя нет?

– Ни у кого... Потеряли... Английский замок: дверь захлопывается – и все... Открывается с той стороны... Он ведь и на щеколду...

– Погребены? – тихо сказал Покойник. – Живьем?

Я вспомнил про Аиду и Радамеса, которых замуровали живьем. И снова взглянул на Наташу. Как мне хотелось, чтобы и она мысленно сравнила нашу судьбу с их судьбой! Но она думала только об электричке. Это мне было ясно. Да и можно ли было сравнивать? Ведь Аиду и Радамеса замуровали вдвоем, а нас было целых шесть человек.

– О, не печалься! – сказал я Наташе. – Я выведу вас отсюда. Вы снова увидите солнце!

Она взглянула на меня с легким испугом. И тогда я добавил:

– Все будет в порядке!

Мне так хотелось, чтоб опасность сблизил нас. Но Наташа никак не сближалась: она думала об электричке.

– Я должна быть дома не позже шести.

– И будешь!

Я огляделся...

Тусклая лампочка мрачно выхватывала из темноты отдельные предметы. Она выхватила таинственный круглый стол, который раньше, в дни своей молодости, я думаю, назывался садовым и стоял где-нибудь в беседке. У стола было три ноги, и он угрюмо кренился на ту сторону, где когда-то была четвертая.

Лампочка выхватила из темноты и таинственный стул, у которого тоже было всего три ноги, чтобы столу было не так уж обидно. Непонятная, жестокая сила зло разбросала по земле странные ящики... К одной из стен загадочно прислонился кусок фанеры, с которого на нас всех угрожающе глядели одни лишь зловещие слова: «Опасно! Не подходить!» И чуть пониже свирепо чернели на фанерном листе череп и кости.

Проходя мимо фанеры, Наташа случайно коснулась ее, и на пальто остался черный след краски, которая, видно, никогда не высыхала в этой могильной сырости.

– Осторожно! Не подходите! – крикнул Глеб.

Все вздрогнули и подавленно замолчали. Даже не очень опытный глаз мог безошибочно определить, что настроение у всех было ужасное.

Я для вида пошептался с Глебом и громко, весело объявил:

– Вот Глеб говорит, что племянник Григорий часто так шутит: сначала запрет, а потом отопрет.

– И через сколько же времени он отпирает? – спросил Покойник.

– Через час. Максимум через два! – бодро сообщил я. – А пока давайте осмотрим окрестности. Познакомимся с достопримечательностями этого подземелья... Чтобы потом, когда мы выйдем наверх, было что рассказать!

– А мы выйдем? – спросил Покойник.

– А мы их увидим?

– Конечно! Когда мы увидим родных и близких, они спросят нас...

Лампочка все время выхватывала из темноты лицо Наташи Кулагиной. Вернее сказать, я то и дело смотрел на Наташу.

– Кого ты больше всех любишь? – внезапно спросила она.

«Тебя!» – хотел я ответить. Но она бы мне не поверила, потому что это была неправда. Больше всех я все-таки любил маму и папу. Потом Костю... А потом уж ее. Не мог же я это сказать!

– Кого ты больше всех любишь? – повторила она.

– Вообще... или у нас в классе?

– Скажи еще: в нашем звене!

– А ты кого?

– Маму.

– Я тоже маму и папу.

– Нет, я не маму и папу, а именно – маму. Я могу за нее умереть. А ты можешь за кого-нибудь умереть?

«Могу! За тебя!» – рвался вперед мой язык. Но что-то ему мешало.

– Можешь? За маму?..

– Я как-то не думал...

– И правильно делал: самое страшное для матери – пережить детей своих...

– Эту мысль ты должна записать!

– Какая же это мысль! Это истина. Вот и все... Поэтому я должна уехать на электричке в семнадцать ноль-ноль!

– Так и будет! Я тебе обещаю!..

Но как я выведу ее из подвала – это было неясно. «О, если я что-то придумаю! – мечтал я. – Она будет считать меня избавителем, героем, спасителем своей мамы, за которую она готова отдать даже жизнь!»

– То, что было еще час назад, кажется сейчас таким замечательным. Даже прекрасным, – сказала Наташа. – Хорошее по-настоящему ценишь на фоне плохого. Ты замечал?

– Да! Конечно... Еще бы! Сколько раз! Эту мысль ты обязана записать!..

Наташа почти шептала. Но я улавливал каждое слово, потому что, когда она ко мне обращалась, слух мой становился каким-то особенным. И если бы рядом в такие минуты что-нибудь взрывалось и грохотало, я бы этого не услышал, а услышал бы только ее голос.

«Странное дело, – лезли мне в голову мысли, – маму я люблю больше, но не думаю целый день о том, что люблю ее. А Наташу люблю меньше, но думаю об этом все время. О, как много в нашей жизни необъяснимого!» Острая наблюдательность подсказала мне, что Наташа разговаривала только со мной. И это вернуло мне силы, которые понемножечку начинали уже уходить. Я снова готов был жить, бороться, искать выход из положения. Верней сказать, из подвала.

Лампочка выхватила из темноты лицо Покойника. Но лучше бы она не выхватывала: бледные губы его дрожали.

Я решил оживить Покойника!

– Снаряжаем спасательную экспедицию, – объявил я.

– Сами себя будем спасать? – пролепетал Покойник.

– Да! И ты вместе со мной пойдешь впереди! Где-то здесь должен быть выход. В крайнем случае мы будем пробиваться сквозь стену. Как в «Графе Монте-Кристо». Ты помнишь, Покойник? Эдмон Дантес и аббат Фариа пробились друг к другу. А ведь это было не на даче, а в замке Иф: там стены покрепче.

– Их обоих кормили. А мы умрем с голоду.

Принц Датский положил руку Покойнику на плечо. Глеб, казалось, изучал земляной пол, которого не было видно.

– Алик же сказал нам, что племянник Григорий будет шутить всего час или максимум два, – объяснила Миронова.

Она одна, мне казалось, сохраняла абсолютное спокойствие. Теперь она видела командира во мне, а команды волноваться я не давал: она и не волновалась.

– Конечно, Племянник откроет дверь. Ты права, – сказал я Мироновой. – Но мы не обязаны ждать его помощи. Освободиться своими силами – вот в чем задача!

Наташа улыбнулась – чуть-чуть, еле-еле, да еще было полутемно, но я заметил ее улыбку. Ну конечно: я говорил, как с трибуны. Но ведь надо было ободрить, у всех поднять дух!

– А может, лучше кричать? – предложил Покойник. – Кто-нибудь да услышит...

– На даче же... И в поселке тоже... – сказал Глеб. Он вдруг снова перестал договаривать фразы.

– Идемте! Вперед! – сказал я. Взял Покойника за руку, и мы двинулись. Мне хотелось взять за руку и Наташу, но я не решился.

Мы двинулись по подземелью. Сверху падали ледяные капли. Ноги то и дело проваливались в коварные углубления. Кромешная тьма окружала нас, как заговорщица. Неверный свет тусклой лампочки остался в неясной, мрачной дали... Ядовитый запах сырости уже не радовал меня, и мне не хотелось дышать полной грудью.

«Читать детективные истории – это совсем не то, что участвовать в них, – рассуждал я. – Я хотел играть во что-нибудь страшное, а тут самый настоящий кошмар обрушился на нас всех. Только я не должен показывать виду, что тоже волнуюсь... Придет ли племянник Григорий? Откроет ли дверь? И зачем он ее закрыл? Зачем?! А что значат его слова: «Ты же хотел узнать, куда тот Дачник девался? Вот теперь и узнаешь!»?»

– Покойник!! – крикнул Покойник. Он весь дрожал. «Наверное, рехнулся, – подумал я. – Нервы не выдержали!..»

– Протяни... Ты сразу... Как я... – Верхние его зубы не попадали на нижние.

И он, как Глеб, не дотягивал фразы до конца.

Я протянул руку и нашупал... скелет. Он стоял в темноте. Ребра и череп...

Уже не нарисованные, а самые что ни на есть...

– Назад! – крикнул я.

Мы бросились обратно, к неверному свету тусклой и мрачной лампочки. Но теперь она казалась нам целым солнцем.

Внезапно догадка озарила меня. «Так вот как погиб тот Дачник! Вот куда он исчез!..» Неужели и нас ждала та же горькая участь?

Глава VII, в которой мы снова знакомимся с героями повести, не все из которых будут героями

«Итак, судьбе было угодно, чтоб я понял и разгадал страшную тайну старой дачи, но тайна погибнет вместе со мной», – эта мысль заставила меня похолодеть. Но уже в следующую минуту я отогрелся, поняв, что не имею права поддаваться страху ни на мгновение! Рядом была Наташа и остальные... Я должен был их спасти. А пока что поднять или хоть чуть-чуть приподнять их дух!

Никто не узнал о моей догадке. Я остался с нею наедине. Приятно быть наедине с легкими мыслями. А вот когда приходят тяжелые, хочется, наоборот, не оставаться с ними с глазу на глаз, а с кем-нибудь посоветоваться, поделиться. Но посоветоваться я не мог! Я должен был скрывать правду.

– Никакого скелета не было! Покойнику показалось...

– Как же не было? – промямлил Покойник. – А ребра?

– Галлюцинации! Вот и все.

– Какие же галлюцинации... в темноте?

– Ты думаешь, бывают только зрительные галлюцинации? О, как ты наивен! Бывают и слуховые. И, как бы это сказать... осязательные.

– Зачем же ты тогда крикнул «назад»?

– Чтоб твои галлюцинации не передались другим. Дурные примеры, сам знаешь...

– Значит, я что же... сошел с ума?

Губы Покойника задергались. Принц Датский обнял его за плечи.

– Все ненормальные считают себя нормальными, – сказал Принц. – А нормальным часто кажется, что они ненормальные. Так что не беспокойся. Вот послушай: мне на ум пришли кое-какие строчки. Может, тебе будет приятно?

И он стал декламировать, хотя никогда прежде своих стихов вслух не читал.

В этот день, когда мы все в подвале
Среди вечной сырости и тьмы,
Мы ни капли духом не упали
И готовы радоваться мы!
Да, пусть даже это подземелье
Нам подарит радость и веселье!..

Принц Датский обвел всех застенчивым взглядом. Но никто не веселился.

Никто, кроме меня.

– Замечательно! – воскликнул я. – Ты очень верно отразил наше общее настроение!

Вслед за мной улыбнулась Миронова. Остальные не улыбались.

– Какие же галлюцинации? А ребра?... – продолжал сомневаться Покойник.

Я отвел его в сторону.

– Покойник, будь человеком! С нами женщины. Подумай о них.

– Значит, это тот самый... Дачник?

– Скелет Дачника. Так я думаю. Все, что осталось... Но держи это в тайне. С нами женщины... Найди в себе силы!

– Я поищу... – сказал бледный Покойник.

– Фактически мы с вами находимся в кабинете писателя! – воскликнул я, обращаясь сразу ко всем. – Покойник недавно сообщил нам, что один греческий философ сочинял в бочке. Вы слышали? А Гл. Бородаев творил в подвале! Пока Племянник еще продолжает свои глупые шутки, давайте устроим выездное заседание нашего литературного кружка. Прямо тут, возле рабочего места писателя. Возле его, если можно сказать, станка! – Я приподнял бывший садовый столик, потряс им в воздухе и поставил на место. – Покойник, Принц и Миронова пусть что-нибудь сочинят. На тему дня! Они это быстро делают.

Миронова подняла руку и сказала:

– Принц уже...

– Ничего, сочинит еще. Ему ведь недолго! А Глеб вспомнит какую-нибудь историю из жизни дедушки.

У Наташи на руке были часики. Другие ребята, которые носят часы, все время о них помнят, то и дело задирают руку, будто всегда куда-нибудь торопятся.

А Наташа взглядывала на свои часики незаметно: просто опускала глаза – и все.

– Электричка – в семнадцать... – сказала она. – Я надеюсь на тебя, Алик!

Она на меня надеялась. Не на Глеба. Не на Принца. Не на Покойника. А на меня! В эту минуту я был благодарен Племяннику, который запер нас в подzemелье. Ведь если бы он не запер, я никогда не услышал бы этих слов.

– Их надо отвлечь, – сказал я Наташе. – Пусть они сочиняют и не мешают мне думать. Искать!.. Поверь: я оправдаю твои надежды. Мы успеем на электричку!

Она ничего не ответила.

– Итак, начинаем заседание кружка, – объявил я громко. – Смотрите, у каждого будет свое рабочее место: ровно пять ящиков.

Миронова подняла руку и сказала:

– Но нас шестеро.

– Я не буду садиться. Я буду ходить...

Я читал, что у знаменитых сыщиков были разные привычки, которые помогали им мыслить и распутывать преступления. Один, например, обязательно курил трубку. Это ему помогало. А я должен был непременно ходить взад и вперед. И хотя говорят, что «в ногах правды нет», я докапывался до правды именно на ногах.

Заложив руки за спину, я стал бродить по подвалу. А все остальные присели на ящики.

Наташа просто отдыхала. Глеб пригнулся, будто сидел на своей последней парте в среднем ряду, и боялся, что его могут вызвать к доске. Миронова сразу же раскрыла тетрадку и стала писать. Я был уверен, что она делает очередную зарисовку. Принц Датский шевелил губами, а длинные руки его двигались как бы в такт словам, которых не было слышно, которые оставались где-то внутри и там же складывались в рифмованные строчки.

Покойник был похож на покойника. Я подошел к нему.

– Все кончено... – сказал он.

– Значит, сбудется твоя мечта!

– Какая?

– Ты ведь давно хотел умереть.

– Пожить бы еще немного... – прошептал он.

– Я буду искать выход из положения. А ты возьми себя в руки. Отвлекись! Сочини стихотворение этой своей В. Э.

– Она не прочтет его...

– Почему? А может, когда-нибудь обнаружат наши скелеты, и рядом с твоим будет лежать стихотворение. Она прочтет – и вздохнет украдкой...

– Она не вздохнет.

– Почему?

- Потому что ее нету...
- Как – нету?
- Так... Не существует. Я не могу лгать тебе в эти последние часы своей жизни.
- А другая? А. Я.?.. Ее тоже нет?
- Тоже.
- А Б. Ю.?
- И ее...
- Ты что же, брал первые попавшиеся буквы?
- Почему первые попавшиеся? У меня была своя поэтическая система. Свой метод.
- Какой метод? Скажи. Раскрой тайну! Все равно нам немного осталось...
- Поэтому я и скажу. Да, был у меня свой принцип! Я брал первую букву алфавита и последнюю, потом вторую от начала и вторую от конца, третью от начала и третью от конца. Так и получались: «А. Я.», «Б. Ю.», «В. Э.». Понимаешь?
- Ты здорово выучил алфавит! А любви, значит, не было?
- Почему? Я влюблялся, хотел умереть, потом охладевал, возвращался к жизни и снова влюблялся!
- В никого?
- О, сколько на свете неожиданного и необъяснимого!
- Разве это первый случай в литературе? Разве и другие поэты не придумывали, не воображали себе образы любимых? И разве не поклонялись им, как живым людям?
- Я об этом не слышал.
- И не догадывался?
- Нет, не догадывался.
- Ну, как же ты так? Разве это не ясно?..
- Что?
- А то, что выдуманный образ почти всегда лучше реального.
- Ну уж прости...
- Разве я могу простить, когда ты не понимаешь элементарных вещей?
- Он снова заговорил в своей любимой манере, вопросами, чего я просто не выносил. Он все время недоумевал: как это я не знаю, не слышал, не читал!
- Слушай, Покойник, хоть в этот последний час разговаривай по-человечески, – сказал я с плохо скрываемым раздражением. – Если хочешь, то объясни, а не хочешь...
- Почему бы мне не хотеть?
- Опять ты...
- Пойми, у каждого человека есть свой стиль разговора; это его индивидуальность. Разве это...
- Я решительно сделал шаг в сторону.
- Не уходи! – Покойник схватил меня за руку. – Я хочу все объяснить тебе... Может быть, ты случайно спасешься – и тогда откроешь тайну моих «посвящений»! Видишь ли, живые люди всегда обладают разными недостатками, слабостями. А вымышленный образ может быть без сучка и задоринки. Так сказать, идеальным! Ему как-то приятнее поклоняться. Как мечте! А люди всегда с недостатками...
- Зато ведь они живые!
- Разве это существенно?
- А разве нет?
- Покойник взглянул на меня с жалостью:
- Когда-нибудь ты поймешь. В общем, если ты случайно... Тогда прокомментируй мои стихи, чтобы не возникали вопросы. А то станут разыскивать всех этих «А. Я.» и «В. Э.», наткнутся на кого-нибудь не того...

– Покойник, не будь таким мрачным. Твой вид действует на других.
Он изобразил на лице «последнюю улыбку».

– Вот видите, какое у Покойника хорошее настроение! – сказал я. – А у тебя, Принц? Что ты там сочинил?

Я тоски в сыром подвале
Не испытываю, нет!
Здесь, в подвале, мы узнали,
Как прекрасен яркий свет!
Сердце радостное бьется:
Все в сравненье познается!

Принц Датский виновато развел свои огромные руки в стороны:

– Вот... Пришло на ум. Может, вам будет приятно?

Физическая сила упорно продолжала сочетаться в нем с детской застенчивостью!

Добрый Принц хотел доставить нам радость, но стихи его никому особой радости не доставляли, потому что все уже к ним как-то привыкли. Кажется, первый раз в жизни Принц почувствовал это и, спрятав за спиной свои руки (он всегда не знал, куда их девать), тихо произнес:

– Тогда простите...

– За что?! Ты очень точно выразил наше общее настроение! – воскликнул я с плохо скрываемым сочувствием.

Мое сочувствие не понравилось Принцу. Он вдруг разорвал стихи и выбросил в темноту. В ту самую, которая помогла ему оценить свет!

– Разве это не обычно? – задал свой очередной вопрос Покойник.

– Что? – не понял я.

– То, что произошло. Разве классики не уничтожали своих произведений? Не сжигали их?

– Но на это всегда были причины, – возразил я. – Их не признавали, не понимали... А мы Принца всегда понимаем. Но ничего... Заседание кружка продолжается!

Миронова подняла руку и сказала:

– Можно мне?

– Конечно. Чем ты нас порадуешь, Миронова? Зарисовкой? Названия ее зарисовок всегда начинались со слов «мой», «моя» или «мое»: «Мой день», «Мое утро», «Моя сестра», «Моя комната»... Эта зарисовка называлась «Мое воскресенье».

Обычно по воскресеньям я встаю в 9 часов 30 минут по местному времени, чтобы в 10 часов послушать «Пионерскую зорьку». Но в это воскресенье будильник зазвонил как в обычные дни, то есть ровно в 7 часов 10 минут.

Умылась я быстро, как никогда: в ванной комнате было пусто, все еще спали, никто не спешил на работу. В 7 часов 30 минут по местному времени я съела один бутерброд с колбасой и яичницу...

«Ее последний завтрак!» – подумал я. Миронова продолжала:

В 8 часов 30 минут я была в школьной канцелярии. Там собрались все члены литературного кружка, чтобы ехать на старую дачу, где творил писатель, имя которого раньше носил наш кружок. Глеб Бородаев, внук писателя по папиной линии, сообщил нам, что наш классный руководитель Нинель Федоровна заболела. Накануне, то есть в субботу, она переезжала в новый дом и простудилась...

– Перечитай последнюю фразу! – крикнул я громко, потому что судьбе было угодно, чтоб в эту минуту меня озарила одна догадка.

Миронова перечитала.

– Что такое? – Покойник схватил меня за руку.

– погоди, погоди! Кажется, я начинаю...

– Что?! – с надеждой спросил Принц Датский.

– Дайте время. Кажется, я уцепился за кончик веревочки... Теперь надо не упустить ее!

– Разве трудно тебе объяснить? – заныл Покойник.

– А разве трудно тебе подождать? – подражая ему, я ответил вопросом на вопрос. – Читай, Миронова. Читай дальше!..

Она аккуратно сообщила нам всем о том, как мы сели на электричку, как сошли с нее, как добрались до дачи, как познакомились с Племянником и как в «11 часов 40 минут по местному времени за нами захлопнулась дверь...».

– Много конкретных, тебе одной известных деталей! – похвалил я Миронову.

Я был благодарен ей за ее удивительное спокойствие (команды волноваться не было, она и не волновалась!). А главное, за ту фразу, которая натолкнула меня... Но не буду забегать вперед. Хотя мне очень хочется забежать.

– Заседание кружка продолжается! – объявил я.

– Разве не лучше нам помолчать? – спросил Покойник. – Я чувствую, что твоя мысль заработала. Мы помолчим, чтоб не мешать...

– В самом деле, Алик! Так, наверное, будет лучше! – сказала Наташа.

Значит, она продолжала надеяться на меня! Я снова похолодел, но уже от радости. «Теперь я должен уцепиться за тот кончик веревочки, который, кажется, у меня в руках!» – так я решил.

– О, не бойтесь вспугнуть мою мысль! Все эти детали, воспоминания питают ее и укрепляют... Пусть теперь Глеб расскажет нам какие-нибудь случаи из жизни своего дедушки. Как это бывало раньше...

– Вот здесь, значит, дедушка... «Тайну старой дачи»... – растерянно начал Глеб. Он снова не дотягивал фразы... – В этом подвале... Там вот, на крышке стола...

Он отделил круглую крышку от ножек садового столика, переплетенных соломой.

На обратной стороне, внутри черной рамки, было что-то написано. Глеб прочитал: «Здесь в течение одного года, трех месяцев и семи дней была написана повесть «Тайна старой дачи».

– Мемориальная крышка, – сказал Покойник.

– Так, так, так... – произнес я задумчиво.

Все сразу притихли.

Наташа Кулагина, которая стояла сзади, посмотрела на меня с надеждой. Я чувствовал ее взгляд затылком и сердцем. Он обжигал меня!

– Значит, дедушка здесь, в подвале, входил в настроение? – спросил я Глеба.

– Не торопись, сначала подумай...

– Да... входил.

– Он нагонял на себя страх, как сообщил нам племянник Григорий? Подумай хорошенько, не торопись.

– Да... нагонял.

– Оставайтесь на своих местах! – скомандовал я. И храбро бросился в темноту...

Глава VIII, в которой я наконец... впрочем, сами поймете!

Я крепко обнял скелет. И потащил его сквозь густую, непроглядную тьму к слабому, неверному свету лампочки.

Идти было недалеко. Но ведь длинный путь может показаться коротким и легким, а короткий, наоборот, длинным и тяжким. Все зависит от того, какая у тебя ноша. Если нет ничего, кроме веселых, радостных мыслей, тогда легко, а если в руках скелет...

О, сколько неожиданных и глубоких мыслей посетило меня в тот день!

Некоторые из них, я думаю, были даже достойны того, чтобы попасть в тетрадку Наташи Кулагиной. «Может, когда-нибудь ее общая тетрадка станет действительно общей (ее и моею!), – мечтал я. – И мы будем поочередно записывать в нее свои глубокие мысли. А потом будем читать... Не вслух, а каждый отдельно, про себя. И все будем знать друг о друге! Хотя совсем уж все знать, конечно, не обязательно, а вот самые заветные думы, которые касаются... чего касаются? «Движение души!» Эти последние слова я вычитал недавно в книге. Они мне очень понравились: «Движение души!» Оказывается, душа может двигаться. Раньше я этого не предполагал.

«О, если б я знал, в каком направлении движется ее душа, я бы обязательно повернул и свою в ту же сторону. И наши души столкнулись бы... Вернее сказать, встретились. Или соприкоснулись!» – так мечтал я, прижимаясь к скелету.

Он чем-то колот мне руку. А чем именно, я не мог разобрать во мраке.

«Когда-то это был человек! – думал я. – Он ходил в костюме, думал, удирая с уроков, сдавал экзамены... Может быть, даже любил. Как я! Неужели когда-нибудь...» Внезапно передо мной выросло что-то большое и темное... Я пригнулся и взглянул на эту фигуру сквозь ребра, как сквозь планки забора.

– Кто это? – спросил я еле слышно: язык плохо слушался. Мне ответил Принц Датский:

– Алик! Как хорошо! Я боялся, что ты заблудишься. Ты ведь один...

– Мы вдвоем со скелетом! – Его добрый голос вернул мне дар речи. – Что-то здесь колет... Помоги! Но осторожно: не поломай ему ребра.

Через минуту я уже объяснял Наташе Кулагиной, хотя не глядел на нее и делал вид, что говорю для всех остальных:

– Это не Дачник! Логический анализ убедил меня в том, что скелет, как и подвал, как и вообще вся эта муть, нужны были Гл. Бородаеву для вдохновения. Он сперва нагонял страх на себя, а потом уже на читателей. Таким образом, нет оснований думать, что нас заперли для того, чтобы... Чтобы мы дошли до этого состояния!

Я указал на скелет.

– Откуда такая уверенность? – спросил Покойник. Опытный глаз мог почти безошибочно определить, что Покойник очень боялся смерти. Нет, он не хотел унижить меня. Он хотел, чтобы я его убедил, успокоил. Когда на тебя надеются, ждут от тебя защиты, успокоения, это очень приятно. Но и трудно!

Сколько неожиданных наблюдений и выводов посетило меня в том подвале!

– Почему ты уверен, что это не Дачник? – снова спросил Покойник.

И все ждали, чтоб я ответил на его вопрос.

– Откуда уверенность? Ну, во-первых, логический анализ. А во-вторых...

Тут я увидел то, что в темноте кололо мне руку.

– Смотрите! Смотрите все! Видите? Бирка с номером! И вот еще металлическая пластинка. Тут что-то написано... Я приблизил планку к глазам и прочел вслух:

– Любимому писателю в благодарность за выступление. От биологического кабинета подшефной школы... Это подарок! – воскликнул я. – Он шефствовал, выступал – и ему подарили. Может, в биологическом кабинете было два скелета... И вот поделились с писателем! Ведь ему это было нужно для вдохновения. Теперь убедились? Не мог же Дачник жить с биркой и планкой внутри! Да еще с проволокой, которой они прикручены!

Все смотрели на меня с благодарностью. Так мне казалось... А может быть, даже с обожанием. В полутьме это трудно было определить.

Я тоже радовался, как ребенок!

Еще недавно я мечтал раскрыть «тайну старой дачи», а теперь был счастлив оттого, что неверно раскрыл ее, что ошибся, что скелет принадлежал вовсе не Дачнику, а биологическому кабинету подшефной школы.

О, как часто жизнь меняет наши планы и настроения!

– Что значит иметь талант! – тихо, но с восторгом сказал Принц Датский. – С этим надо родиться!

Он уважал чужие таланты.

– А я вот... – Принц вытянул вперед свои руки, словно упрекая их за то, что они, такие длинные, ничем сегодня не помогли.

– Ничего, ничего... Они еще пригодятся! – Я приподнялся на цыпочки и похлопал Принца Датского по плечу.

– Но как же ты догадался? Еще до того, как увидел бирку и планку? – спросил Покойник.

– Когда Глеб перевернул крышку...

Я подошел к столику и тоже перевернул. Фразу я не закончил, потому что заметил на обратной стороне крышки... Я ничего никому не сказал. Но подумал о том, что в этот момент прибавился еще один важный факт. Очень важный! И что я приближаюсь к разгадке.

– Не держи нас в неведении, – приободрившимся голосом попросил Покойник. – Почему тебя так заинтересовала ничего не значащая фраза в зарисовке Мироновой? Помнишь, ты сказал о веревке, за которую ухватился. А в этой фразе абсолютно не за что было хвататься!

– Как кому! – сказал я. – Именно ничего не значащие факты подчас значат в расследовании все! А с виду значительные – не значат ничего.

Миронова подняла руку:

– Можно мне?

– Пожалуйста!

– Я подчеркнула эту фразу, – сообщила она.

– Да, твоя фраза осветила нам путь...

– К чему?! – гордо прошептала Миронова.

– К спасению! – ответил я.

Все перестали дышать... Но я ничего больше не объяснил.

– Дайте время, – сказал я. – Мне нужно изучить факты. Оценить обстановку! Продумать, взвесить... И обобщить!

Все тихо присели на ящики. Все подчинялись мне, надеялись на меня. Давно я мечтал, чтобы Наташа была рядом в какой-нибудь выгодный для меня момент. Но о таком моменте я даже и не мечтал. Он даже не мог мне присниться!

О, как, оказывается, мудра поговорка: «Не было бы счастья, да несчастье помогло»! Только в темноте подвала мои способности могли вспыхнуть так ярко. Свет вообще поражает главным образом тогда, когда внезапно появляется в темноте. Хорошо бы записать эту мысль Наташе в тетрадку!

– Дайте мне время, – еще раз попросил я.

– Но времени нет, – сказала Наташа.

– В каком смысле?

– До электрички осталось всего полтора часа!

– Я буду действовать ускоренным методом. Расследование начинается! Я должен побыть наедине!..

Миронова подняла руку:

– С кем?

– С мыслями, с фактами.

Я сел на ящик, стоявший в стороне от других, и погрузился в раздумье.

Я знал, что у каждого настоящего сыщика или следователя должен быть помощник, благородный такой и наивный человек, который говорит разные глупости и споря с которым следователь легче нападает на след. Я не собирался никому подражать. Но, конечно, мне бы хотелось, чтоб Наташа была этим помощником и наблюдала, как я логически мыслю. Но заставлять ее нарочно говорить глупости я не мог. Да у нее бы это и не получилось, если б даже я захотел!..

Итак, я начал анализировать в одиночку...

Мне было известно, что знаменитые сыщики и следователи, раскрывая преступления, прежде всего хотят выяснить: кому оно выгодно?

«Так, так, так... Я не пойду обычным путем! Буду действовать своим методом, – решил я. – Пойду от обратного, как иногда доказываются теоремы. Да, сделаю наоборот: продумаю сначала, кому невыгодно, чтоб мы сидели запертые в подвале.

Наверно, всем нам невыгодно. А больше всех? Наташе!

У нее тяжело больна мама. И она обязательно должна сесть на электричку в семнадцать ноль-ноль! Так, так, так... Теперь надо выяснить, кому выгодно, чтобы Наташе было невыгодно. Сбиваюсь на чужой метод... Но ничего не попишешь! Кто же может Наташе мстить? И за что? Разберемся! Вернее всего, кто-то был отвергнут ею – и вот решил... Любовь часто толкает людей на преступления! Об этом и в пьесах говорят и в кинокартинах... Но кто же ей мстит? Племянник Григорий? Он мог быть только оружием мести! Так, так...

Это ясно. Он не подходит: по возрасту и вообще... Вряд ли он способен на глубокое чувство. Но кто его сделал своим оружием? Кто?! Покойник? Он любит вымышленные образы. И вообще умирает от страха. Но прежде чем вынести окончательное решение, я должен во всем сомневаться. А если Покойник притворяется? Если на самом деле он ничего не боится? Да нет! Достаточно взглянуть на него... Принц Датский? Он благороден. Физическая сила сочетается в нем с детской застенчивостью. Но я должен во всем сомневаться!

А вдруг он притворяется добрым?

Как-то противно всех подозревать! Но все-таки... Я должен провести подробнейшее расследование! Так, так, так... Значит, надо проверить всех.

Кроме Наташи... Может, Миронова? Допустим, она завидует Наташе. Нет, ерунда. Исключается! Она завидует только тем, кого учителя ценят больше, чем ее. А больше, чем ее, они никого не ценят! Значит, методом исключения, который иногда применяется при расследованиях... Опять пойду старым путем.

Говорят, «старый друг стоит новых двух». Может, это относится не только к друзьям? О, как мудры народные поговорки!

Итак, я добрался до Глеба... Он опять запинается на каждом втором слове. А больше молчит. Но дело не в этом. Не поэтому он вызывает у меня наибольшие подозрения. Так, так, так... А почему? Во-первых, он единственный из нас всех был раньше знаком с Племянником. Улика номер один! А во-вторых и в-третьих... Мои наблюдения, о которых никто не знает! Те две догадки... В них ключ! Я уверен... Но я должен во всем сомневаться. Так, так, так...

Надо все доказать! Доказать! Доказать!..»

Я обернулся. Все тихо сидели на ящиках. И ждали... А Миронова задремала. У нее был железный характер! Я всех обвел взглядом и остановился на Глебе.

«Настала пора допроса! Поведу его осторожно, чтобы предполагаемый виновник ни о чем не догадался. И чтобы не обидеть его раньше времени подозрением.

Прежде всего соблюдение законности! Об этом часто пишут. Я не должен ее нарушать. Должен во всем сомневаться, пока не будет доказано... И никакого насилия! Никакой грубости! Так, так, так...»

– Глеб, не хочется ли тебе подойти ко мне? Если тебе не хочется, не подходи. Я тебя не принуждаю. Я сам могу подойти. Но если ты хочешь...

– А что же... – сразу откликнулся Глеб. – Я пожалуйста...

Он не договаривал фразы. Но это не было уликой; он и раньше не дотягивал их до конца. Да, это и прежде было его яркой особенностью.

Однако острая наблюдательность подсказала мне, что он слишком уж быстро откликнулся, словно ждал, что я к нему обращусь. И слишком уж стремительно подбежал, будто боялся, что я спрошу его о чем-нибудь громко и услышат все остальные.

– Что? А?.. – сказал он совсем шепотом, словно предлагая и мне вести разговор так, чтоб о нем знали только мы двое.

Моя острая наблюдательность стала еще острее, будто ее только что наточили.

– Хочешь знать, как я догадался насчет скелета? Очень просто: когда ты перевернул «мемориальную крышку» и прочитал, что именно здесь была написана вся повесть от начала и до конца, догадка сразу озарила меня: не только подвал, но и скелет был нужен твоему дедушке для вдохновения! Чтобы нагонять на себя страх... Я бросился в темноту, чтобы проверить свою догадку. Бирка и планка ее подтвердили. Но это не все...

– А что же еще?

– Глеб, если тебе не трудно, переверни снова крышку стола и прочти, пожалуйста, еще раз, что там написано, – сказал я с плохо скрываемой вежливостью.

Мне хотелось, чтобы Наташа видела, как умно и тонко я веду дело, как с каждой минутой все больше оттачивается моя наблюдательность. Но нельзя было сделать так, чтоб Наташа слышала наш разговор, а все остальные не слышали.

А если бы услышали все остальные, у них бы раньше времени возникли подозрения против Глеба. «Если же он не виновен? – рассуждал я. – Если мои предположения – всего только предположения? Нет, законность прежде всего!» И продолжал вести расследование шепотом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.